

1024.

*Эвонимъ Деярови
Курскому
автору*

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

„Мыслей объ исторіи русскаго языка“.

(Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы).

Л. В. Владимірова.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловскіа
1899.

88259

Имв. 1953 г.

БК 920

1965 E.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

„Мыслей объ исторіи русскаго языка“.

(Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы).

Л. В. Владимірова.

51С 920

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Универси
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск
1899.

ЦЕНТРАЛЬНА БІБЛІОТЕКА

Міжнародна історична конференція в Києві

(Однією з цілей цієї конференції було вивчення історії України)

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1899 г.

Б С С Р
Дзяржбібліатэка
імя В. І. Леніна
№ 402

Нацыянальная
бібліатэка
Беларусі

13 // 5674 (026)

Пятидесятилѣтіе „Мыслей объ исторіи русскаго языка“.

(очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новыя матеріалы).

I.

8 февраля 1849 года на годичномъ торжественномъ актѣ Петербургскаго Университета профессоръ И. И. Срезневскій, — впоследствии извѣстный академикъ, — прочелъ большую одушевленную рѣчь „Объ исторіи русскаго языка“, которой впервые намѣтилъ важность, новостъ и задачи предмета изслѣдованія для русской науки. Замѣчательное совпаденіе съ этой рѣчью, появившейся въ печати, подъ названіемъ „Мыслей объ исторіи русскаго языка“ (съ дополнительными примѣчаніями, въ 1850 г. и во второмъ изданіи въ 1887 г.), представляетъ одновременно появившійся большой трудъ знаменитаго германиста Якова Гримма „Исторія нѣмецкаго языка“ (*Geschichte der germanischen Sprache von Jacob Grimm 1848 г. и 2-е изд., въ 2-хъ томахъ, 1853 г.*).

Прошло полвѣка съ появленія этихъ двухъ одушевленныхъ работъ, вызвавшихъ такое широкое научное движеніе, — и интересно оглянуться на то, что сдѣлано въ области изученія нашего ственнаго языка. Къ краткому и сжатому очерку этихъ работъ мы присоединимъ нѣсколько новыхъ наблюденій русскаго языка. Это будутъ тѣ матеріалы (хотя одного-двухъ древнерусскихъ памятниковъ, — мы преимущественно Румянцевскую Лѣствицу XII-г

ни которых все еще нуждается наша наука, въ которой только теперь появляются „Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ, трудъ И. И. Срезневскаго“ (т. I—II, 1890—98 гг., до „пак“—), намѣчается вполне научное изданіе важнѣйшихъ памятниковъ древнерусской письменности (описанныхъ и изученныхъ въ трудахъ И. И. Срезневскаго „Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вѣковъ“ 1863 г., и 2-е изданіе 1882 г.—„Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ И. И. Срезневскаго 1867—1881 гг. XCI выпускъ), ожидаются своды по палеографическимъ изученіямъ и описаніямъ рукописей опредѣленныхъ мѣстностей (И. И. Срезневскій: „Славяно-русская Палеографія XI—XIV в.“. Спб. 1885 г.).

Мысли объ исторіи русскаго языка явились вполне своевременно, такъ какъ чувствовалась живѣйшая потребность разобраться въ вопросахъ, выдвинутыхъ, съ одной стороны—наукой, преимущественно трудами Востокова (начиная съ его разсужденія о славянскомъ языкѣ 1820 г.), съ другой стороны,—поднимавшихся въ журналистикѣ 30-хъ годовъ, напримѣръ, о слияніи въ живыхъ русскіихъ нарѣчіяхъ разныхъ иноязычныхъ элементовъ: скандинавскихъ, чуждскихъ или финскихъ (которымъ объясняли полногласіе), польскихъ (вліянію этому приписывали происхожденіе малороссійскаго и особенно—бѣлорусскаго нарѣчій). Таковы мнѣнія Сенковского, Давыдова, Греча и др. До появленія трудовъ Востокова (упомянемъ еще „Описаніе русскіихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ 1842 г., въ которомъ отличены редакціи памятниковъ по нарѣчіямъ болгарскому, сербскому, русскому съ подраздѣленіями южно-русскими и сѣвернорусскими; Остромирово Евангеліе 1056—57 гг. съ грамматическими объясненіями 1843 г. и др.) не было яснаго представленія даже объ отношеніи церковнославянскаго или древнеславянскаго языка къ русскому (древнерусскому, или къ живымъ нарѣчіямъ). Въ продолженіи XVIII в. и даже въ началѣ XIX в. на церковнославянскій языкъ продолжали смотрѣть съ точки зрѣнія „Матеріалы для словаря словенскіихъ нарѣчій“ Мелетія Смотрицкаго 1619 г., или—Домогова крайняго послѣдователя Шишкова. Слабы и недостаточны представленія о различіи звуковыхъ и формальныхъ особенностей живѣйшихъ славяно-русскихъ рукописей и собственно древнеславянскихъ XI—XII вв., въ старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ. Точныя научныя наблюденія Восто-

кова надъ древними особенностями языка и письма Остромирова Евангелія и другихъ старыхъ памятниковъ вывели ученыхъ филологовъ на настоящую дорогу: на дорогу возстановленія звуковыхъ и формальныхъ особенностей древнѣйшаго старославянскаго языка, который измѣняется затѣмъ въ памятникахъ письменности южныхъ славянъ и русскихъ.

Русскія особенности, замѣченныя въ старыхъ памятникахъ (Остромировомъ Евангеліи, Изборникѣ 1073 г. и др.), вызвали вопросъ о древности русскаго языка. Къ этому вопросу естественно примкнулъ съ самаго начала другой вопросъ: о древности трехъ русскихъ нарѣчій. Уже въ 1838 г. Максимовичъ касается „разныхъ мнѣній о русскомъ языкѣ“ (Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, стр. 1—25). Слѣдуя Добровскому и опираясь на Востокова, Максимовичъ задается вопросами: какое мѣсто занимаетъ народъ и языкъ русскій въ общемъ кругу соплеменныхъ ему народовъ и языковъ словенскихъ? какое отношеніе имѣетъ русскій языкъ къ церковно-словенскому въ особенности? и какъ должно смотрѣть на малороссійское нарѣчіе по отношенію къ великорусскому? Этимъ вопросамъ проф. Максимовичъ посвящаетъ свою „Исторію древней Русской Словесности“ (Кіевъ 1839 г.) и замѣчательныя „Начатки русской филологіи“ 1845 г. (см. III т. Собранія сочиненій). Труды Максимовича въ области русской филологіи заслуживаютъ добраго воспоминанія. Кіевскій ученый—прямой предшественникъ И. И. Срезневскаго,—по крайней мѣрѣ—для Мыслей объ исторіи русскаго языка. Менѣе осторожный, менѣе разносторонній, Максимовичъ является въ филологическихъ трудахъ глубоководумчивымъ изслѣдователемъ языка. Его соображенія о русскомъ полногласіи, которое онъ возводитъ къ глубокой древности путемъ сравнительныхъ сопоставленій съ индоевропейскими языками, славянскими нарѣчіями, замѣчательны для своего времени. Въ нихъ видно и знакомство съ памятниками древнерусской письменности и съ живыми говорами русскаго языка, особенно съ малороссійскимъ нарѣчіемъ. Церковнославянскій языкъ Максимовичъ впервые ставитъ въ рядъ живыхъ славянскихъ языковъ, отдавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ первенство русскому (напр., его полногласію). Онъ принимаетъ съ критикой отъчужденныя признаки славянскихъ нарѣчій,—въ томъ числѣ и выставленные учеными Добровскимъ и Шафарикоу,—и глубоко отличіе русской рѣчи отъ церковнославянскаго языка.

при самомъ ея введеніи въ древней Руси и говорить о вліяніи позднѣйшемъ церковнославянской рѣчи на русскую, особенно великорусскую (стр. 80, 70 и др.). Это мнѣніе тѣсно связано у Максимовича съ его основнымъ взглядомъ на давнее отличіе малороссійскаго нарѣчія или языка отъ великорусскаго (впервые высказанное Максимовичемъ въ 1827 г. въ предисловіи къ Украинскимъ пѣснямъ). Не обладавъ еще строгимъ научнымъ методомъ, Максимовичъ выбираетъ изъ памятниковъ русской письменности выраженія—сходныя съ малорусскими и не встрѣчающіяся, по его мнѣнію, въ великорусскомъ нарѣчій (неосновательно указаны въ Исторіи Русской Словесности, 174 стр.: стрѣха, хапаюся, гробля, дивуемся, лѣпшій и проч.). Въ Исторіи Русской Словесности, защищая противъ Греча древность малорусскаго нарѣчій и его независимость отъ польскаго языка (исключая вліянія въ области Перемышльскаго земли, стр. 100 и отчасти Волынско-Подольскаго) Максимовичъ готовъ признать и повгородцевъ съ тверичами (по южнорусскому выговору *ь* за *и*) переселенцами съ юга (116 стр.). Свое мнѣніе о древности малорусскаго нарѣчій Максимовичъ защищалъ и позднѣе противъ Срезневскаго, Лавровскаго и Погодина,—въ чемъ нашель себя и послѣдователей. „Мысли объ исторіи русскаго языка“ И. И. Срезневскаго вызвали большое оживленіе и обмѣнъ мыслей въ 50-хъ годахъ,—именно благодаря своей особенной строго исторической основной мысли: о постоянномъ, непрерывномъ развитіи языковъ путемъ превращеній первоначальныхъ богатыхъ и разнообразныхъ формъ.

Срезневскій исходилъ изъ той же мысли, какую провель Я. Гриммъ въ своемъ трудѣ объ исторіи нѣмецкаго языка, высказавъ въ заключеніи II-го тома слѣдующее обобщеніе: „alle deutschen sprachen, wie weit auch ihre äste und zweige von einander getrieben haben, fallen sichtbar demselben stamm zu und bekennen eine mütterliche diota (piuda), nach der sie genannt sind; je höher man zurücksteigt, desto jänlicher werden sich Gothen, Hochdeutsche, Niederdeutsche, Scandinaven, und alle sind gleiches ursprungs“. Такъ и Срезневскій поставилъ въ связь исторію языка отдѣльнаго народа (русскаго) съ исторіей языка цѣлыхъ племенъ. Для него, какъ для славянъ, очевидна смѣна звуковыхъ и формальныхъ явленій въ исторіи славянскихъ языкахъ (особенно въ чешскомъ), и эту смѣну теоретически къ исторіи русскаго языка. Онъ не хотель возстановить „древній первобытній языкъ рус-

свѣй“, но уже опредѣлялъ, съ точки зрѣнія славянской филологіи, близость древняго народнаго русскаго языка къ древнему церковно-славянскому, усматривая только очень немногія отличія между ними. Время XIII—XIV вѣкъ—было, по мнѣнію Срезневскаго, (какъ для нѣкоторыхъ западно-славянскихъ нарѣчій) и временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Въ то же время, однако, книжный языкъ отличался отъ народнаго *всегда*; но въ X—XIV вѣкѣ отличія одного отъ другого у насъ заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ (см. эти выводы въ Запискѣ о древнемъ русскомъ языкѣ И. И. Срезневскаго и М. П. Погодина. Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II-го отдѣленія И. Академіи Наукъ. Спб. 1887 г. или V т. Извѣстій). Нельзя не выписать еще нѣсколькихъ замѣчаній Срезневскаго, касающихся его общихъ взглядовъ на исторію русскихъ нарѣчій, книжнаго языка и на задачи научнаго изученія ихъ. Последнее является завѣтомъ великаго слависта и можетъ быть повторено черезъ 50 лѣтъ, какъ *ria desiderata*. „Давни, но неспокойны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное—великорусское и малорусское: не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточное—собственно великорусское и западное—бѣлорусское, а на югѣ—нарѣчія восточное—собственно малорусское и западное—русинское, карпатское; еще новѣе черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій русскихъ. Конечно, всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до сихъ поръ только оттѣнками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства Русскаго языка и народа“ (см. Актъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 1849 г., стр. 100—101). „Дѣйствительное отдѣленіе языка книгъ отъ языка народа началось уже съ того времени, когда въ говорѣ народа болѣе и болѣе стали ветшать древнія формы, когда языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строѣ своемъ. Языкъ въ народѣ измѣнялся и весь на всемъ своемъ пространствѣ и по разнымъ мѣстностямъ, развиваясь на говоры и нарѣчія; а въ книгахъ вольно и неволью удерживался языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и Церкви. Прочное начало образованію языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же, какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка,

языкъ собственно книжный—языкъ произведений духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же“ (154—155 стр.). „Временное отдѣленіе Руси западной отъ восточной не могло, между прочимъ, не наложить печати на мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ новаго книжнаго языка: въ XVI—XVII вѣкѣ его западное видоизмѣненіе довольно ярко отдѣлилось отъ видоизмѣненія восточнаго“ (158 стр.).

„Каждый изъ старыхъ памятниковъ языка,—заклучилъ свою рѣчь Срезневскій,—такъ сказать, завѣтомъ потомкамъ,—долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ. По сличеніи лучшихъ списковъ, надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттѣнка его значенія, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. Въ томъ и другомъ должно быть отмѣчено вліяніе чужестранныхъ языковъ. То же вліяніе иностранныхъ элементовъ должно быть отмѣчено и при историко-литературномъ разборѣ памятника со стороны его содержанія, изложенія и слога. — По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанію. Развитие языка въ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитие языка повременное, по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ. Вліяніе элементовъ иностранныхъ должно быть отлечено въ каждомъ нарѣчій и мѣстномъ говорѣ отдѣльно.—Современный языкъ литературы и образованнаго общества должно разобратить также отдѣльно и подробно въ отношеніяхъ лексикальномъ, грамматическомъ, литературномъ, не забывая ни писателей образцовыхъ, заботившихся о своемъ языкѣ и слоgѣ, ни писателей небрежныхъ, бессознательно повторявшихъ худое и хорошее изъ привычекъ языка книгъ и общества, не забывая также вліянія иностраннаго, вольно и невольно проникавшаго въ составъ и формы языка, въ слоgъ и т. д.—Только вслѣдствіе такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, возможно составленіе историческаго словаря и

исторической грамматики, и только вслѣдствіе соображенія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ словарѣ и въ такой грамматикѣ, возможно приступить къ полной и подробной Исторіи языка“ (184—185 стр.).

Авторъ подготовлявшейся „Исторической грамматики русскаго языка“, уже выступившій съ трудомъ „О преподаваніи отечественнаго языка“ (1844 г.) Ѳ. И. Буслаевъ, ревностный послѣдователь Я. Гримма, привѣтствовалъ появленіе „Мыслей“ Срезневскаго въ статьѣ Отечественныхъ Записокъ 1850 г. (т. 72, V отд. 31—58). Доказывая важное значеніе исторіи языка и діалектологіи, Буслаевъ закончилъ статью убѣжденіемъ, что „исторія языка приводитъ въ извѣстность и объясняетъ грамматическія формы, словосочиненіе и корнесловъ языка русскаго, но никогда не имѣеть въ виду предлагать для всеобщаго письменнаго употребленія ни народныхъ областныхъ реченій, ни древнихъ, устарѣвшихъ формъ языка“.

Такъ же, какъ и Срезневскій, взглянулъ на Исторію Русскаго языка П. А. Лавровскій въ сочиненіи „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ (Спб. 1852 г.): „если и было различіе между нарѣчіемъ сѣвернымъ и южнымъ до образованія Русскаго Государства, то оно было только лексическое, зависѣвшее отъ причинъ естественныхъ: различнаго мѣстоположенія страны, различнаго климата и различныхъ, вслѣдствіе того, произведеній природы: разнообразія же въ строѣ языка, его фонетикѣ и формахъ грамматическихъ, разнообразія, которое давало бы право и въ эпоху образованія Русскаго Государства видѣть въ языкѣ русскомъ два нарѣчія, не было и, по тогдашнему положенію славянъ русскихъ, бытъ не могло“ (7 стр.). „Только со времени раздвоенія Государства Русскаго, начатаго Боголюбскимъ, усиленнаго татарами и окончательно утвердившагося покореніемъ юга литовцами, можно ожидать начала раздвоенію и въ языкѣ русскомъ, все болѣе и болѣе развивавшемуся въ послѣдующее время. Съ XIII—XIV стол. южная Русь была покинута сѣверомъ; всякое сообщеніе прекратилось для нея и не только съ отдаленнымъ сѣверовостокомъ, но и съ самымъ Новгородомъ“ (11 стр.). И вотъ Лавровскій по пути, указанному Срезневскимъ, посвящаетъ большую часть своей цѣнной работы разсмотрѣнію отличительныхъ свойствъ русскаго языка древняго, пользуясь фактами, извлеченными изъ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей и древнихъ актовъ. Отмѣчая древность русскаго языка, онъ слѣдитъ и за переворотами и утратами въ языкѣ. Исто-

рическое развитіе языка русскаго впервые въ трудѣ Лавровскаго выступаетъ наглядно: мы видимъ утрату глухихъ ъ, ѣ, непереходное смягченіе гортанныхъ, появленіе во множественномъ числѣ именъ мужеск. и средняго рода—амъ,—ами,—ахъ—окончаній рода женскаго, утрату супинума, прошедшихъ простыхъ, двойственнаго числа, и проч. Факты, подобранные авторомъ, любопытны и касаются не только звуковъ, формъ грамматическихъ, но и синтаксическихъ особенностей древняго русскаго языка. Затѣмъ Лавровскій переходитъ къ отличительнымъ особенностямъ стариннаго русскаго языка. „Подъ стариннымъ языкомъ, говоритъ авторъ, разумѣемъ мы языкъ, образовавшійся послѣ забвенія формъ и оборотовъ древнихъ и господствовавшій въ произведеніяхъ письменности отечественной съ XV-го вѣка. Начало его образованія совпадаетъ съ началомъ паденія языка древняго (XIII вѣка), а полное развитіе—съ послѣдними отжившими его остатками. Не будемъ думать, чтобы черты этого языка уцѣлѣли до нашего времени въ однихъ только письменныхъ памятникахъ: слѣды его живутъ во всей силѣ до сихъ поръ въ произведеніяхъ народной словесности, въ пѣсняхъ, сказкахъ и пословицахъ. Поэтому, вмѣстѣ съ лѣтописями (XV—XVI столѣтій), при краткомъ обзорѣ языка стариннаго, могутъ служить матеріаломъ произведенія и современной словесности народной, сохраняющія въ себѣ признаки старины, нерѣдко самой отдаленной“ (117 стр.). Въ опредѣленіи стариннаго русскаго языка и особенно—сохраненія его въ народной словесности авторъ разсматриваемаго изслѣдованія имѣлъ уже предшественника въ лицѣ Буслаева (О преподаваніи отеч. языка). Наконецъ, Лавровскій отмѣчаетъ въ сѣверныхъ лѣтописяхъ, грамотахъ, договорахъ и актахъ мѣстныя особенности нарѣчія новгородскаго. Для насъ и теперь интересно повторить, что въ сѣвернорусскихъ памятникахъ письменности, какъ и въ живомъ нарѣчіи, повторяются слѣдующія южнорусскія особенности (см. ихъ среди примѣтъ, перечисленныхъ г. Колессой въ Архивѣ Ягича, т. 18, стр. 519 и др.): мѣна *o* и *y* на стр. 128, 133, 142 (узвышь Псковск. лѣт.; уторникъ, усрѣтеніе Новгор. лѣт., у гридницю Новг. лѣт., усѣли Псковск., у двѣ недѣли Псковск., усходити Псковск., у Вильни Собр. Грам.; постривъ, изнырявъ прош. вр. села Талиць; тутъ же переходъ *o* въ *y*: дѣука, пѣучій, курияка); *ъ=и* и обратно, на стр. 129—130, осѣлъ, былѣ, взялѣ, творилѣ, доконцалѣ, спустилѣ; сѣмѣренѣ, освѣтѣвъ, Чернѣговѣ, сиверь и проч. Кудь мы склонны

объяснить также = куди, куды, а не изъ послѣдней формы, какъ думаетъ Лавровскій; *i=h*, на стр. 132, 142, оспожинъ вм. госпожинъ, княини, „фисталь“ изъ „гвиздаль“ черезъ форму „виздаль“, „хвиздаль“; частыя окончанія прошедшихъ временъ на—хоть,—шесть; *Тьхверь* на стр. 143; 3 л. личныхъ формъ безъ—ть (е, буде и пр.); сочетанія *чо, жо, шо, що, цо* вмѣсто *че, же, ше, ще, це* и пр. Итакъ, только отсутствіе мѣны *ч* и *ц* и нѣкоторыя другія примѣты отличаютъ древнѣйшія южнорусскія рукописи отъ новгородскихъ. Такъ, казалось, фактически была установлена „Мыслями“ Срезневскаго и разсужденіемъ Лавровскаго мысль о томъ, что наши древнѣйшія лѣтописи и другіе памятники до-монгольскаго времени писаны людьми, говорившими языкомъ, совершенно отличнымъ отъ малороссійскаго (новаго и XVI—XVII вв.). Эту мысль посѣщилъ высказать историкъ Погодинъ въ письмѣ къ И. И. Срезневскому (Записка о древнемъ языкѣ Русскомъ въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ V т. и въ „Историческихъ чтеніяхъ“ 1857 г.) въ 1856 году: „великороссійское племя жило въ Кіевѣ“, или „въ Кіевѣ жили до татаръ не малороссіяне, а великороссіяне“. „Еслибъ Несторъ, разсуждалъ Погодинъ, и его продолжатели, кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не дали нигдѣ примѣтить своего малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не обронули тамъ-сямъ какого-нибудь малороссійскаго слова, не употребили малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки или удержались отъ междометія? А между тѣмъ, въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не церковные, какъ не малороссійскіе, которые, слѣдовательно, и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей. Еще болѣе—слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи отнюдь не малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы,—квась, медъ, жито, и т. п. Вѣрно, лѣтописи принадлежатъ не малороссіянамъ, а какому нибудь другому племени. *Слѣдовательно и племя другое жило въ Кіевѣ, а не малороссіяне.* Вотъ какое заключеніе представилось мнѣ естественно“ (12—13 стр.). Затѣмъ Погодинъ выписываетъ примѣры изъ лѣтописи Несторовой и Кіевской, въ родѣ: „не бѣ лѣзъ вкрастися въ градъ; несутъ розно; уловъ уловивъ; рече Володимеръ послу Изяславлю: пойдѣ вонъ; язъ, брате, тѣмъ не труденъ есмь: радъ, ѣду; си ночи весель былъ съ

своею дружиною и шель спать здоровъ; Володимеръ лежа творяся акы изнемогая съ ранъ, но ранъ на немъ не было“... Это слова, обороты и формы—чисто великороссійскія“ (13—17 стр.). И тутъ же Погодинъ высказываетъ догадку: „а вотъ что невѣрно, и что сильнѣ моего опровергнется безъ сомнѣнія г. Максимовичемъ, котораго задержеть оно за живое,—будто до Татарскаго времени совершенно не существовало ни малороссіянь, ни малороссійскаго нарѣчія“. М. А. Максимовичъ тотчасъ же отеликнулся въ цѣломъ рядѣ „филологическихъ писемъ“ (Собраніе сочиненій III т., 183—311 стр.), въ которыхъ изложилъ какъ свой общій взглядъ на исторію русскаго языка и его нарѣчій, такъ и частныя соображенія о древности малорусскаго нарѣчія. „Южнорусскій и сѣвернорусскій языки—родные братья, сыновья одной русской рѣчи. Когда они обособились? Объ этомъ, какъ видно, еще нѣтъ единогласія. Я и теперь полагаю, какъ объяснялъ уже въ „Исторіи древней Русской Словесности“, что южнорусскій языкъ образовался еще въ древнее, до-Татарское время, когда Кіевская Русь была представительницею русскаго міра, какъ послѣ Татаръ стала Русь Московская“, и т. д. „Южнорусскій языкъ ближе и роднѣе всѣхъ къ сѣвернорусскому, состоящему въ двухъ главныхъ нарѣчійхъ великороссійскомъ и бѣлорусскомъ, и составляетъ съ нимъ великую рѣчь русскую или восточнославянскую“ (190—191 стр., 232). Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ поддерживалъ „прежнія утвержденія о глубокой древности малороссійскаго народа въ Кіевской „Русской землѣ“, объ очевидныхъ слѣдахъ малороссійскаго нарѣчія въ языкѣ Несторовой и Кіевской лѣтописей“ (245). Мнѣнія Лавровскаго и Срезневскаго Максимовичъ сводитъ къ признанію „безразличія Русской рѣчи до XIV-го вѣка, о существованіи въ то время одного языка на всей Руси и о происхожденіи великороссійскаго и малороссійскаго нарѣчій, съ ихъ отличительными особенностями, уже послѣ нашествія Татарскаго“ (278). Чтобы видѣть основанія Максимовича, мы приведемъ примѣры основательныхъ и неосновательныхъ заключеній его по памятникамъ: уселеная (Изборникъ 1073 г.), вгодникъ (Успенскій Сборникъ XII в.); выйде, изыйде (Ипатьевск. XIV—XV); многашьды и мъногашьди (Остромирово Ев.); 3 л. ед. ч. безъ ть (скаже, хоче, тече, е стр. 297) и др. Лексическія примѣты не отличаются убѣдительностью: Максимовичъ относитъ къ числу исключительно малороссійскихъ выраженій такія, какъ „ватага“, „криница“, „хортъ“, „статокъ“ „пересердіе“ (223 стр.); „туга“, „смага“,

„струга“, „вередити“. Достаточно провѣрить эти слова по Далю, чтобы видѣть ихъ повтореніе въ живомъ великорусскомъ языкѣ. Только названіе рыбы „коропъ“ (=волжскому „сазану“), встрѣчающееся у Данила Паломника, можетъ быть признано южнорусскимъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ защитникомъ теоріи Погодина выступилъ П. А. Лавровскій („Описаніе семи рукописей И. Публичной Библіотеки“ въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей 1858 г. IV т., 1—90 стр.), который принялъ за положительное мнѣніе, „что и на югѣ Россіи въ упомянутые вѣка (первые 4 даже 5 вѣковъ, XI—XV ст.) еще господствовало не нарѣчіе малорусское, а тоже великорусское, какое мы находимъ и въ памятникахъ сѣвера, кромѣ, конечно, признаковъ новгородскаго нарѣчія“ (73 стр. Редакторъ О. М. Бодянский не согласился съ этимъ мнѣніемъ, требуя „доказательствъ прямыхъ, точныхъ и глубокаго знакомства съ нарѣчіемъ, противъ котораго ратуется“—Примѣчанія О. Б. стр. 72—73). Къ такому мнѣнію Лавровскій могъ придти, имѣя подъ руками рукописи съ рѣзко выраженными новгородскими и псковскими чертами (мѣна *ч* и *и*, дѣжгъ=дѣждь, мѣна *с* и *ш*, *з* и *ж* въ Прологѣ XIII в., въ Минеяхъ XI—XII вв.) и съ неопредѣленнымъ правописаніемъ южнорусскихъ памятниковъ (Псалтири Толковой XII в., Изборника XIII в., Сборника XIII в.), которые характеризуются только отсутствіемъ сѣвернорусскихъ примѣтъ: для Изборника XIII в. мы знаемъ мѣну *у* и *о*, *ь* и *и*.

Обратившись въ 1859 г. (Журналъ Мин. Нар. Пров. ч. СП, 225—266 стр. Обзоръ особенностей нарѣчія малорусскаго) къ самостоятельному изученію живого малорусскаго нарѣчія на основаніи собранія народной словесности, Лавровскій пришелъ къ убѣжденію о близости малорусскаго нарѣчія къ великорусскому, съ одной стороны, и къ сербскому языку—съ другой: „не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое въ звукахъ и формахъ единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ нибудь говору народному въ письменности, должны обратиться съ бѣльшимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда М. П. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго малорусскаго племени, послѣ пора-

бощенія юга Россіи Татарами, съ Карпатскихъ горъ,—къ гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора малорусскаго съ русинскимъ карпатскимъ и подтверждаемой общими чертами съ сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніями Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ, по Багрянородному, находилась Великая Сербія“ (265 стр.). Представивъ интересный обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, Лавровскій не забылъ и отмѣтить особенности словообразованія и синтаксиса. Недостаетъ только упоминанія о бѣлорусскомъ нарѣчіи, такъ какъ всѣ сопоставленія автора ограничиваются нарѣчіемъ великорусскимъ.

Между тѣмъ въ 1858 г. появился „Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка“, въ 2-хъ частяхъ, Ѳ. И. Буслаева. Какъ высокообразованный педагогъ, Буслаевъ еще въ 1844 г. въ своемъ трудѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“ указалъ необходимость возведенія русской грамматики до сравнительной и исторической, сознавая при этомъ всю трудность и новизну дѣла, при господствѣ распространенныхъ въ то время грамматикъ Греча и Востокова: „еще не пришла пора учителямъ русскаго языка думать, что ихъ предметъ есть сосредоточіе гимназическаго курса. Наша грамматика и въ половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоятъ нѣмецкая и французская; исторіи русскаго языка вовсе еще нѣтъ; попытки сравнительнаго изученія русскаго языка съ родственными и соплеменными еще не доросли до науки; литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій“. Горячій послѣдователь Я. Гримма, Буслаевъ во многихъ своихъ трудахъ старается проникнуть въ древности русскаго языка, отыскивая ихъ и въ славянорусскихъ памятникахъ („О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ 1848 г.) и въ областныхъ говорахъ, въ народномъ языкѣ. Остановившись на изученіи церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ, Буслаевъ представилъ въ двухъ трудахъ 1858 и 1861 гг. важныя педагогическія и научныя пособія: упомянутый „Опытъ исторической грамматики“ и „Историческую христоматію церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ“. Оба труда по полнотѣ изученія остаются до сихъ поръ незамѣнимыми, хотя „Опытъ исторической грамматики“ значительно устарѣлъ въ отдѣлѣ этимологій—въ обзорѣ звуковъ и формъ, а отчасти и въ синтаксисѣ—въ отдѣлѣ обь

управленіи словъ. Христоматія Буслаева составлена большею частию непосредственно по первоисточникамъ: по рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ,—чего нельзя сказать о послѣдующихъ трудахъ въ этой области, какъ Сборникъ А. И. Смирнова (1882 г.) и Христоматія Огоновскаго (1881 г.), представляющихъ перепечатки изъ печатныхъ неточныхъ изданій. Послѣдующія изданія „Исторической грамматики русскаго языка“ (послѣднее 5-е, 1881 г.) значительно дополнены примѣрами изъ старинныхъ памятниковъ письменности, но система грамматическихъ категорій господствуетъ надъ исторіей развитія звуковъ и формъ. Чувствуя этотъ недостатокъ (опредѣленія древнерусскихъ памятниковъ письменности въ ихъ историческомъ и діалектологическомъ развитіи), Буслаевъ опустил находящееся только въ первомъ изданіи „Опыта“ интересное предисловіе объ исторической грамматикѣ, о главныхъ направленіяхъ въ изученіи языка, о важнѣйшихъ пособіяхъ по предмету. Въ примѣчаніи къ первой части „Опыта“ Буслаевъ отсылаетъ читателя за подробностями этимологическихъ видоизмѣненій по вѣкамъ, нарѣчіямъ и областнымъ говорамъ русскаго языка къ примѣчаніямъ Исторической Христоматіи 1861 г. Первое изданіе „Опыта“ Буслаева вызвало обширную критику К. Аксакова (Русская Беседа 1859 г. V, 65—154 стр. и VI, 1—123 стр.), которому близки были интересы исторіи русскаго языка (Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка, 1846 г.). Но, при бѣдности и необработанности фактовъ, Аксаковъ могъ только намѣтить хронологическое обозрѣніе русскаго языка отъ XI в. до Ломоносова включительно, и потому въ разборѣ труда Буслаева уклонился совершенно отъ историческаго метода. Такого метода, хотя бы только въ предѣлахъ хронологическаго разсмотрѣнія, мы не видимъ въ изученіи русскаго языка до появленія работы Колосова („Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка“ 1872 г.), о которой скажемъ дальше.

Первый, кто рѣшился слить современные народные говоры великорусскаго нарѣчія съ бѣлорусскимъ и нарѣчія малорусскаго съ фактами памятниковъ древнерусской письменности во всемъ ихъ объемѣ, былъ Потебня, выступившій въ 1865 г. съ статьями „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Филологич. Записки 1865 г., вып. I—III) и въ 1870 г. съ „Замѣтками о малорусскомъ нарѣчій“ (Филологич. Записки 1870 г., вып. I—II, IV—V). Статьи эти особенно замѣчательны по тонкости филологическаго анализа звуковъ,

отражающаго чуткость автора къ фактамъ языка и его школу, ушедшую впередъ послѣ сравнительныхъ изученій Боппа, Я. Гримма. Въ русской наукѣ къ извѣстнымъ уже намъ предшественникамъ Потебни нужно прибавить Даля, выступившаго въ 1852 г. со статьей „О нарѣчійхъ русскаго языка по поводу опыта областного великорусскаго словаря, изданнаго вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ“ (Вѣстникъ И. Русск. Географич. Общ. книжка V, 1—72 стр.). Эта систематизація Даля исключительно основана на богатыхъ практическихъ свѣдѣніяхъ автора. Рядомъ съ драгоценными матеріалами Даля (напримѣръ, Толковымъ словаремъ живого великорусскаго нарѣчія 1861 г.) въ 50—60-хъ годахъ явилось много этнографическихъ матеріаловъ по русскимъ народнымъ говорамъ. Строго научная систематизація этого матеріала и принадлежитъ Потебнѣ. Исходя изъ фактовъ исторіи русскаго языка (замѣтимъ, тогда еще скудныхъ), изъ данныхъ областныхъ говоровъ, изъ сопоставленія этихъ явленій съ соотвѣтствующими измѣненіями звуковъ и формъ въ славянскихъ и другихъ европейскихъ языкахъ, Потебня обращаетъ вниманіе на слѣдующія важныя явленія въ южновеликорусскихъ говорахъ и нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ, въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ и въ малорусскомъ нарѣчій: замѣны глухихъ звуковъ (ъ, ь), переходы или измѣненія гласныхъ неударяемыхъ и гласныхъ, характеризующихъ русскія нарѣчія въ ихъ историческомъ развитіи, смягченіе и отвердѣніе согласныхъ, количественныя измѣненія согласныхъ, придыханія и пр. Обобщенія Потебни,—особенно о вліяніи ударенія на гласныя, о вліяніи исчезновенія глухихъ, — становятся прочнымъ достояніемъ науки. Теперь можно не согласиться только со взглядами Потебни на существованіе глухихъ ь, ь въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, даже въ XIII—XIV вв., на исконное древнерусское *дж*, изъ котораго развилось позднѣйшее ж (=жд, =дж). Последнее явленіе Потебня внесъ даже въ число общерусскихъ примѣтъ наравнѣ съ полногласіемъ, мягкостью шипящихъ и *и*, постановкой гласныхъ передъ плавными *р* и *л* (гласными=старосл. рь, ль, рь, ль), о=e въ началѣ словъ, у=ж, и=а. Въ разсматриваемыхъ статьяхъ Потебня поддержалъ мнѣніе Максимовича о раздробленіи русскаго языка на два нарѣчія — южное и сѣверное „многимъ ранѣе XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южновеликорусское, а такое раздѣленіе предполагаетъ уже и

существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга, и признаки, предполагаемые всеми малорусскими говорами, принимаемъ за древнѣйшіе, если нѣтъ положительныхъ указаній на противное; ими прежде всего отдѣлилось малорусское нарѣчіе отъ общерусскаго языка“ (о, е долгія и короткія; $h=i$; позднѣе появившіяся смѣшеніе y и a , измѣненіе l въ a).

Осуществленіе задачи хронологическаго обзора особенностей русскихъ памятниковъ письменности, предложенной К. Аксаковымъ, принадлежит М. Колосову въ 1872 г. въ „Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе“. Упомянувъ въ предисловіи о своихъ предшественникахъ, Колосовъ такъ отзывается о трудахъ Буслаева: „Историческая грамматика, распредѣляющая данныя языка по грамматическимъ категоріямъ, не одно и то же, что исторія языка, которой задача—прослѣдить хронологически, послѣдовательно различныя совершавшіяся въ языкѣ, съ теченіемъ времени, измѣненія и дать имъ объясненія на исторической же почвѣ“ (VI стр.). Не изслѣдуя самостоятельно памятниковъ письменности по рукописямъ, Колосовъ опирался на изданія Срезневскаго, на изученія рукописей Московскои Синодальной бібліотеки Горскаго и Невоструева по извѣстному Описанію ихъ. Изслѣдуя звуки и формы памятниковъ по вѣкамъ и обобщая эти данныя для каждаго вѣка особо, Колосовъ кое-гдѣ обмолвился замѣчаніями объ отношеніи тѣхъ или другихъ особенностей къ сѣверному новгородскому нарѣчію (81 стр.), къ южнорусскому или малорусскому нарѣчію (153—154). Новгородскую особенность онъ замѣтилъ только въ XII в., а южнорусскую—только по списку XV в. Ипатьевской лѣтописи и неопредѣленно упомянулъ (стр. 104) о проявленіи *мѣстнаго* говора въ такихъ формахъ, какъ *чтюнь*, *своюмъ*. Разсматривая очень подробно примѣты общерусскаго праязыка, Колосовъ внесъ лишнія (стр. 14): замѣну n черезъ e , m бу y и a , измѣненіе my на oy , iy на ey . Въ предисловіи къ своему труду Колосовъ заявилъ: „нами вовсе обойденъ важный въ исторіи русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныя нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что не считаемъ возможнымъ со стороны кого бы то ни было рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ же—мы имѣли въ виду только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи. Можно далѣе упрекнуть насъ за отсутствіе сра-

вненія звуковъ и формъ русскаго языка съ звуками и формами другихъ славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе такого же сравненія съ данными, представляемыми говорами современнаго нашего языка. На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработка народныхъ говоровъ у насъ еще въ зародышѣ; 2) древніе памятники почти ничего не даютъ для характеристики діалектическихъ различій русскаго языка; 3) мы и не видѣли особой пользы для нашей цѣли въ сопоставленіи фактовъ современнаго русскаго языка съ соотвѣствующими фактами древняго“ (VIII—IX стр.).

Противъ такой постановки вопросовъ по исторіи русскаго языка выступилъ Потебня въ книгѣ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ (1876 г., въ которой соединены статьи съ 1873 г.: Нарѣчія въ древнемъ русскомъ языкѣ и др.), въ которой рѣшительно заявилъ, что „раздѣленіе русскаго языка древнѣе XI вѣка, и вся исторія его, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій“ (стр. 2). Потебня высказался и противъ способа разсматривать явленія огуломъ, въ произвольномъ ихъ обобщеніи (12 стр.). Въ дальнѣйшихъ статьяхъ книги „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ Потебня разсмотрѣлъ еще вопросы: о начальномъ русскомъ *o* = старосл. *ю* (съ строгой сравнительной критикой—почти всѣхъ относящихся сюда примѣровъ), мнѣнія о происхожденіи *з* и *ь* и времени ихъ исчезновенія въ русскомъ (приводятся сравненія съ литовскимъ языкомъ и поддерживается мнѣніе о присутствіи глухихъ въ русскомъ языкѣ—народномъ и древнерусскомъ по нотнымъ книгамъ и по сѣверновеликорусскимъ грамотамъ въ XIV—XV вв., стр. 44 „древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV—XV вв., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, на концѣ, въ свр. доходятъ вплоть до нашего времени“), глухіе звуки *з* и *ь* при плавныхъ *р* и *л* между двумя другими согласными (здѣсь важно мнѣніе о второмъ полногласіи, которое Потебня присваиваетъ сѣверновеликор. нар. и возводитъ къ XIV—XV вв., причемъ допускаетъ возможность признать до XII в. это полногласіе и въ другихъ русскихъ нарѣчійхъ (101 стр.), и проч.

О другихъ мнѣніяхъ Потебни по поводу вопроса о русскихъ нарѣчійхъ мы скажемъ ниже. Теперь же упомянемъ о важности историко-сравнительныхъ разысканій его въ области не только исторіи звуковъ, но и лексикологіи („Къ исторіи звуковъ“, выпуски III—IV,

1881—82 г.), синтаксиса („Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ 1874 г. и 2-ое изд., дополненное 1889 г.). Стоитъ сравнить послѣднюю работу съ соотвѣствующими параграфами Исторической Грамматики Буслаева, чтобы видѣть всю важность изслѣдованія дѣтскаго языка со стороны синтаксиса въ широкихъ рамкахъ сравнительнаго изученія. Мы опускаемъ разсмотрѣнiе этихъ работъ, такъ какъ кромѣ двухъ-трехъ работъ (Е. Θ. Корша, Попова и др.) вопросы синтаксиса отступаютъ на задній планъ въ историческомъ изслѣдованіи русскаго языка.

Чтобы не разрывать связи, мы разсмотримъ работы по малорусскому нарѣчію и его исторіи ниже; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о разработкѣ великорусскаго нарѣчія въ трудахъ Колосова, Богородицкаго и въ моей работѣ, къ которой я позволю себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько дополненій. Покойный проф. Колосовъ, основатель Варшавскаго „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ (съ 1879 г.), совершилъ въ половинѣ 70-хъ годовъ научную поѣздку по сѣверно-великорусскимъ губерніямъ, плодомъ которой явились: „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверновеликорусскаго нарѣчія“ (пять отчетовъ II Отдѣленію Академіи Наукъ; съ приложеніемъ сказокъ, пѣсенъ и заговоровъ; двѣ книги) 1876—77 гг. и „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“ 1878 г. (собственно, только великорусскаго). Задачей „Обзора“ авторъ поставилъ, какъ самъ говоритъ, „опредѣлить звуковой и формальный типъ великорусскаго сравнительно съ бѣло-и малорусскимъ“ (II стр.), а также и съ древнерусскимъ. Съ большимъ вниманіемъ Колосовъ отнесся къ звуковымъ особенностямъ великорусскихъ говоровъ, объясняя ихъ по пути, указанному Потебней; но въ общемъ онъ остался вѣренъ своей манерѣ объяснять общія звуковыя явленія, а не географическое распредѣленіе особенностей народныхъ говоровъ. Оттого онъ рядомъ разсматриваетъ и сѣверно-и южновеликорусскія особенности, не говоря уже о частныхъ подраздѣленіяхъ нарѣчій. Возводи все явленія къ историческимъ основамъ, Колосовъ въ концѣ книги дѣлаетъ общее заключеніе „о взаимномъ отношеніи главныхъ частей русскаго языка“ (253 стр.). Онъ признаетъ три нарѣчія русскаго языка: великорусское, бѣлорусское и малорусское. Особенности послѣдняго (сохраненіе архаизмовъ русскаго праязыка и выработка новыхъ фонетическихъ чертъ, чуждыхъ древности) Колосовъ считаетъ болѣе древними, чѣмъ особенности бѣлорусскаго нарѣчія. „Быть мо-

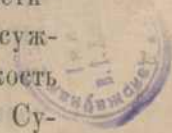
жетъ уже въ XI—X ст. русскій языкъ не представлялъ со стороны звуковъ цѣльности въ строгомъ смыслѣ этого слова,—хотя, безъ сомнѣнія, въ эту отдаленную эпоху, и даже позже, звуковая разность рѣчи сѣвера и юга Россіи была едва ощутимою. Раздвоеніе русскаго языка въ ту пору было только намѣчено. Будущія рѣзкія разности двухъ главныхъ его нарѣчій находились, какъ выше уже замѣчено, въ зачаточномъ состояніи“ (266). Особенно интересно проходящее черезъ всю книгу противоположеніе сѣверновеликорусскаго нарѣчія—южновеликорусскому народному и литературному языку, а рядомъ указаніе сходствъ сѣверновеликорусскаго съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Изъ звуковыхъ особенностей особенно подробно разсмотрѣны случаи перехода *e*, *ъ* (ръ, лъ...), *и* въ *ѣ* (jo); два примѣра (удовка, удовецъ Олонецк. губ.) свидѣтельствуютъ о томъ, что хотя нѣкоторые говоры сѣверновелик. знали мѣну *в* на *у*; *ѣ* на *и*; *и* на *е* (теун, вехорь, Кеев, ячки); *л*, *а*, *я* на *е* (кнезь, грезь).

Труды Колосова представляютъ обиліе примѣровъ и ими пользуются даже такіе требовательные лингвисты—неограмматики, какъ проф. Богородицкій въ своемъ изслѣдованіи, подъ заглавіемъ: „Курсъ грамматики русскаго языка“ (часть I. Фонетика, 1887 г.), изъ котораго мы приведемъ слѣдующій критическій отзывъ о трудахъ Колосова: „проф. Колосовъ не различаетъ въ своемъ изслѣдованіи главнѣйшихъ неударяемыхъ положеній, отчего его изложеніе неударяемаго вокализма страдаетъ спутанностью... въ изслѣдованіи Колосова мы не находимъ ни одного цѣлостнаго обозрѣнія какого-нибудь сѣверновеликорусскаго говора, но только—примѣры, взятые изъ разныхъ говоровъ того или другого края, такъ что примѣры эти, сопоставленные вмѣстѣ, принадлежатъ въ этой своей цѣлостности фиктивному, не существующему говору. Изслѣдователь, который пожелалъ бы прослѣдить распредѣленіе фактовъ извѣстнаго явленія на основаніи именованнаго труда, принужденъ отказаться отъ этого намѣренія. Трудъ проф. Колосова представляетъ, такъ сказать, экстенсивное изслѣдованіе сѣверновеликорусскихъ говоровъ. Въ будущемъ надо ожидать появленія изслѣдованій интенсивнаго характера, спеціальныхъ для отдѣльныхъ говоровъ“ (197 стр.). Подъ вліяніемъ работъ Колосова я обратилъ вниманіе на нѣкоторые рукописи Соловецкаго монастыря и представилъ изученіе ихъ со стороны языка въ брошюрѣ „Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверновеликорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв.“ (Казань, 1878 г.). Дѣлая нѣкоторыя

обобщенія изъ приведенныхъ фактовъ, могу теперь обратить внима-
ніе на замѣчательную выдержанность написаній *ль* въ случаяхъ, со-
отвѣтствующихъ старославянскимъ плавнымъ гласнымъ *лз, ль*: исполъ-
нити, молнія и пр., между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ глухой
отсутствуетъ, или изображается черезъ *з* (стр. 16); далѣе, на твер-
дость согласныхъ *ж, ш, щ* въ сочетаніяхъ съ *ы, э, о*; на мѣну *о*
на *у* (нагородца, поугородца 16); на постоянное употребленіе формъ
„собѣ, тобѣ“. Позднѣе мнѣ пришлось издать нѣсколько интересныхъ
документовъ XVII в. изъ бывшихъ рукописей Соловецкаго монастыря
(Извѣстія Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи
1880 г., стр. 94—99), въ которыхъ находятся слѣдующія особенности
сѣверновеликорусскаго нарѣчія: ой,—ого, ѣ=е, 2 л.—шъ, 3 л.—
тъ, изволь (повелит.), оонка, озерко, кельшко ставлено, мѣстишко
марѣица, тарханиху, промысель, истисняють, во опчее, ветчаное,
понадобитца, про мене, во рте, вструбѣхъ, и проч.

Обращаемся теперь къ трудамъ Н. И. Житецкаго, которые вызвали
оживленіе въ разработкѣ вопроса о малорусскомъ нарѣчіи. Главное
вниманіе автора „Очерка звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“
(1876 г.), „Очерка литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ
XVII в.“ (Кіевская Старина 1888 г., и отдѣльно) привлекли памятники
письменности XVI—XVII вв. Еще на Кіевскомъ Археологическомъ
Сѣздѣ 1874 г. г. Житецкій далъ подробное, всестороннее изслѣдованіе
о Пересопницкой рукописи Евангелія 1556—1561 гг. Слѣдуя за Потеб-
ней, Житецкій значительно дополнилъ его указанія, хотя и не далъ
картины діалектическихъ отличій, стремясь проникнуть въ исторію зву-
ковъ малорусскаго нарѣчія. Кромѣ памятниковъ XVI—XVII в. авторъ
обратилъ вниманіе и на языкъ грамотъ. Большое значеніе Житец-
кій придаетъ въ своемъ первомъ трудѣ сѣвернымъ малорусскимъ
говорамъ, обращая вниманіе на „преимущество древности“, уцѣлѣв-
шей въ нихъ, въ видѣ дифтонговъ (yo, yи, уэ, юо, юі), основного
и, и проч. Задачей своего труда авторъ поставилъ: „главное внима-
ніе свое мы сосредоточимъ на сравненіи звуковыхъ элементовъ со-
временнаго малорусскаго нарѣчія въ различныхъ его говорахъ съ
первозвуками, изъ которыхъ они образовались и которые разсѣяны
въ памятникахъ древняго и средняго періода русской письменности“
(17 стр.). Потебня въ разборѣ сочиненія Житецкаго (въ 20 присуж-
деніи награды графа Уварова) обстоятельно показалъ всю шаткость
этихъ первозвуковъ и ихъ отраженій въ малорусскомъ нарѣчіи. Су-

Инд. 1953 г.

щественнымъ пунктомъ разногласія являются воззрѣнія на паденіе глухихъ *z, ь*, которое Житецкій возводитъ къ особенностямъ русскаго праязыка; между тѣмъ какъ Потебня стоитъ за свою теорію присутствія глухихъ *z, ь* въ русскомъ языкѣ не только въ историческую пору XIV—XV вв., но даже и до нашего времени,—воззрѣніе, впервые высказанное Востоковымъ въ Русской грамматикѣ и раздѣляемое современнымъ лингвистомъ проф. Богородицкимъ. Житецкій въ этомъ случаѣ сближается съ Колосовымъ и Соболевскимъ. Нельзя однако не принять съ извѣстными ограниченіями взгляда Потебни. Первая работа Житецкаго написана съ большою любовью къ предмету изслѣдованія; но страдаетъ отвлеченностью построеній и неполной критикой звуковыхъ явленій. Въ виду этихъ недостатковъ самъ авторъ позднѣе обратился къ изученію фактовъ по памятникамъ XVII вѣка. Но и здѣсь не удержался на почвѣ всесторонняго изслѣдованія звуковъ и формъ, увлекшись историко-литературными соображеніями. Неполнота изслѣдованія отмѣчена, напримѣръ, г. Марковскимъ въ сочиненіи „Антоній Радивилевскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII в.“ (1894 г., глава VI „Языкъ Радивилевскаго“). Мы уже сказали, что труды П. И. Житецкаго вызвали оживленіе въ изученіи малорусскаго нарѣчія и древнихъ южнорусскихъ памятниковъ. Однако, цѣнные замѣчанія Потебни, основанныя на фактахъ, дали болѣе плодотворныхъ теченій въ изученіи предмета. Таковы, напримѣръ, мелькомъ брошенныя замѣчанія Потебни о долготѣ *ѣ* въ отчетѣ о 20 присужденіи Уваровскихъ наградъ (стр. 800—801), развитыя и обоснованныя проф. А. И. Соболевскимъ въ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“ (1884 г.): „долгота *e* въ словахъ на—ение,—иіе должна была имѣть мѣсто до образованія удвоенія согласной, въ слогѣ прямомъ (напр. въ спа-сѣ-нье), на что указываетъ существованіе *ѣ* какъ *ве-сѣ-ле*; возможно, что именно *ѣ*—ѣнье—ѣлье выражается написаніемъ—ѣнье и пр. въ ю.-русс. си. поуч. Ефр. Сир. XII в.: мгновѣнье, пригожѣнье, похоулѣнье, спасѣнье, весѣлье“.; приводятся далѣе и другіе примѣры изъ галицкихъ памятниковъ письменности XIV—XV вв.

Изученіе малорусскаго нарѣчія въ его историческихъ судьбахъ подвинулось только съ подробнымъ изученіемъ діалектовъ, которое дано впервые въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“, т. VII (1877 г.), въ статьѣ „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Гали-

чины“, обработанной г. Михальчукомъ, съ приложеніемъ карты говоровъ. Статья эта дополняетъ важные матеріалы, собранные и изданные Чубинскимъ, въ 7-ми томахъ Трудовъ, представляющихъ цѣнное дополненіе къ трудамъ Головацкаго (Народныя пѣсни Галицкой Руси 1878 г., 4 т. и др.). Труды Чубинскаго, Головацкаго и друг. отразились въ лингвистическихъ изученіяхъ проф. Огоновскаго (*Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache*, Lemberg, 1880 г. и *Kilka słów o narzeczach i gwarach języka ruskiego* въ *Rozprawach i sprawozdaniach z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności*, tom X. W Krakowie). Мы не будемъ останавливаться на этихъ трудахъ, ограничиваясь немногими замѣчаніями о нихъ, какъ не будемъ говорить и объ изученіи бѣлорусскаго нарѣчія, которому посвящена нами особая статья въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1898 г. Въ статьяхъ и въ трудахъ Огоновскаго, при обилии интересныхъ фактовъ, расположенныхъ наглядно и систематически, читателя удивляетъ иногда неправильное пользованіе языкомъ памятниковъ письменности (напр. смѣшеніе вѣка рукописей, въ которыхъ дошли до насъ древнія сочиненія и акты, съ первымъ временемъ появленія ихъ), неправильное толкованіе явленій, заимствованныхъ или происшедшихъ историческимъ путемъ. Насколько интересны звуковыя явленія въ сопоставленіи съ подобными явленіями въ разныхъ говорахъ, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ позднѣйшаго польскаго труда Огоновскаго. У Лемковъ въ Галиціи встрѣчаются такія формы, какъ „гырмит, сылза, хырбет“. Только „сылза“ находитъ параллели въ другихъ славянскихъ языкахъ „selza, sylza, solza, сълзі“. Въ западнорусской Четьѣ 1489 г. встрѣчаемъ: слызы, гытань, дрыжаху; но у Скорины 1525 г. ѿ стырчи (въ нашемъ изслѣдованіи о Скоринѣ, стр. 266). Нельзя не согласиться, въ виду этихъ фактовъ, съ мнѣніемъ Потебни и Огоновскаго о присутствіи глухихъ звуковъ (иначе гласности *p, l*) въ сочетаніяхъ съ плавными и нѣкоторыми другими согласными. Но все случаи съ *en*, отражающимъ якобы ж, конечно, не самостоятельнаго происхожденія (мента, пентоньжа и проч.).

Обращаемся теперь къ работамъ проф. А. И. Соболевскаго, занимающимъ самое видное мѣсто по изученію исторіи русскаго языка съ фактической стороны. Уже первая работа его, подъ названіемъ „Изслѣдованія въ области русскаго грамматика“ (въ Русскомъ Филологич. Вѣстникѣ 1881 г. и особо), посвященная вопросамъ истори-

ческаго развитія нѣкоторыхъ формъ именныхъ и глагольныхъ, показываетъ особенное вниманіе къ памятникамъ древнерусской письменности, къ ихъ изученію въ широкихъ рамкахъ славяновѣдѣнія. Отъ хронологіи памятниковъ авторъ восходитъ такимъ путемъ къ праславянскимъ явленіямъ въ области русскихъ формъ. Онъ пользуется и широкимъ сравненіемъ данныхъ, извлеченныхъ изъ рукописей, съ особенностями живыхъ народныхъ говоровъ, но еще не выдѣляетъ памятники разныхъ мѣстностей. Въ слѣдующей своей работѣ „Очерки изъ исторіи русскаго языка“ (1884 г., часть 1-я; въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ съ приложеніями, не вошедшими въ отдѣльное изданіе: изъ Добрилова Евангелія 1164 г., Типографскаго Евангелія № 7, Типогр. Ев. № 6, Ирмолая Григоровича XII—XIII вв., Галицкаго Ев. 1266—1301 г., Холмскаго Ев. XIII—XIV вв., Хутынскаго Служебника XIII—XIV вв., Поликарпова Ев. 1306 г., Луцкаго Ев. XIV в., Часослова XIV в., Грамоты 1438 г.) проф. Соболевскій обратился уже къ выдѣленію древнерусскихъ говоровъ на основаніи изученія цѣлаго ряда памятниковъ древнерусской письменности. Здѣсь впервые появились опыты такихъ же изученій исторіи языка, какія сдѣлалъ въ обширныхъ размѣрахъ Я. Гриммъ въ своей исторіи нѣмецкаго языка. На основаніи изученія значительнаго количества (15 большихъ памятниковъ) рукописей г. Соболевскій опредѣляетъ черты галицко-волинскаго нарѣчія въ XII—XV вѣкахъ. Намекъ, брошенный вскользь Потебней, получаетъ теперь блистательное подтвержденіе и провѣрку въ большомъ количествѣ примѣровъ. Не отмѣчая ихъ, мы упомянемъ только, что г. Соболевскій принялъ объясненіе ѣ=e (камѣнье, триднѣвныи, мѣчь, будѣть и проч.) долгимъ ē, удлиненіемъ e послѣ паденія глухихъ. Не объясняя точнѣе природы этого звука, выражаемаго графически черезъ ѣ, Соболевскій ставитъ его рядомъ съ о, изъ котораго развилось малорусское і (камінне, мічь и проч.). Это „новое“ ѣ и возводится въ существенную примѣту галицко-волинскаго нарѣчія XII—XV вв. Наблюденіе это чрезвычайно важно для опредѣленія мѣста написанія неопредѣленныхъ недатированныхъ памятниковъ древне-русской письменности. Черта эта впервые рѣзко опредѣлила звуковыя особенности южнорусской письменности въ противоположность сѣвернорусской, характеризующейся съ давнихъ поръ (съ трудовъ Востокова) мѣнзй *и* и *ч*. Въ рассматриваемомъ трудѣ г. Соболевскій не постарался однако опредѣлить точнѣе географическое распростране-

ніе этой звуковой особенности. Кромѣ т. н. галицко-волинскихъ памятниковъ, въ разматриваемомъ трудѣ разобраны древніе памятники Псковскаго говора XIV вѣка (9 рукописей). Какъ и въ первомъ трудѣ, авторъ держится той же системы разсмотрѣнія памятниковъ путемъ ихъ описанія и затѣмъ свода и объясненія всѣхъ звуковыхъ и формальныхъ данныхъ въ связи съ славянскими нарѣчіями. Разбирая тщательно отдѣльныя явленія, авторъ выдѣляетъ описки писцовъ, графическія явленія, общеславянскія измѣненія, общерусскія и наконецъ діалектическія народныя русскія, современныя написанію рукописей. Съ этого труда проф. Соболевскій обратился къ изученію древнерусскихъ говоровъ по памятникамъ древнерусской письменности въ цѣломъ рядѣ статей, появившихся въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (1884 г. Два древнихъ памятника галицко-волинскаго нарѣчія: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в. и Архивская Лѣствица XIII—XIV в.; 1886 г. Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XV вв.; 1888 г. Псковскій Трефолой 1446 г.), въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1885 г. Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ и др.), въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ (1887 г. Новый трудъ г. Стасова, 1888 г. Лекціи по исторіи русскаго языка).

Мы должны остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на извѣстномъ трудѣ проф. Соболевскаго, появившемся уже во второмъ изданіи, съ измѣненіями и дополненіями—на „Лекціяхъ по Исторіи Русскаго языка“, 1891 г. Послѣ труда Колосова 1876 г. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст.), Лекціи Соболевскаго 1888—91 гг. впервые дали самостоятельный сводъ данныхъ по памятникамъ древнерусской письменности звуковыхъ и формальныхъ особенностей не только древнерусскаго языка вообще, но и главныхъ звуковыхъ особенностей древнерусскихъ говоровъ. Мы позволимъ себѣ здѣсь, не входя въ общую оцѣнку этого настольнаго труда, прослѣдить по 2-му изданію, по-страницамъ, прибавленія противъ 1-го изданія и сдѣлать нѣсколько критико-библіографическихъ замѣчаній. На стр. 4—5 прибавлено объ измѣненіяхъ звуковъ подъ вліяніемъ фізіологическихъ и психологическихъ факторовъ. Въ обзорѣ источниковъ по вѣкамъ внесены новые памятники: XI в. Поученія Кирилла Іерусалимскаго; XII в. Стихирарь 1163 г., Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго, Пантелеймоново Евангеліе, надписи на вещахъ (не отмѣчена Румянцевская Лѣствица XII в., на кото-

рую авторъ однако кое-гдѣ ссылается); XIII в. новгородскіе—Триодъ Савина до 1226 г., Прологъ 1262 г., Паремейникъ 1271 г., Пандекты Никона 1296 г., Житіе св. Саввы, Толстовскій Сборникъ; XIV в. сѣвернорусское Хлудовское или Никольское Евангеліе, московское Евангеліе 1339 г., новгородскій Тактиконъ 1397 г., галицко-волинское Путенское Евангеліе, Мстижское Евангеліе, молдавскіе акты. Всѣ эти новыя изученія автора внесены далѣе во 2-ое изданіе Лекцій, въ видѣ примѣровъ, выводовъ и т. п. На стр. 39 приведенъ примѣръ изъ библии Скорины начала XVI в., по поводу котораго я позволю себѣ выразить несогласіе: „библія Скорины, говоритъ авторъ, однажды представляетъ на мѣстѣ *жч*,—букву *ш*: завищитъ песь, Исходъ, 23. Сравни соврем. бѣлорусск. дожчикъ, дощикъ“. Здѣсь смѣшаны *жч* изъ жд=дж съ *ш* изъ ск: завиштати (см. Miklosich Lexicon)—hinnige доучиналъ жалостно завищавъ, вискъ, вискльивъ конь—hinniens (по южнославян. пам.); viskati (Miklosich: Etymologisches Wörterbuch), nsl. viskati, b. viskam, kr. viskati, vjščati, pastuh višči, p. wiskać, wiszczéć; очевидно тоже звуковое явленіе, что имѣемъ въ примѣрахъ „дѣска-дѣшница“, „блѣштати“, и т. п. У насъ въ изслѣдованіи о Скоринѣ, на стр. 305 „завищитъ песь, ср. Желеховскій: завищати“, на стр. 275 отмѣчено постоянное употребленіе *жд*, а не *жч* въ словѣ дождь, какъ во многихъ и другихъ западнорусскихъ-бѣлорусскихъ памятникахъ XV—XVI вв. и ранѣе. Поэтому и на стр. 40 у автора лишній примѣръ изъ современ. малорусск. „вищяти“. Замѣчательно, что во 2-мъ изд. Соболевскій выпустилъ (40 стр.=37 по 1-му изд.) примѣты южнорусскихъ рукописей „къде, вьсьде, съде“, противоположныя якобы сѣвернорусскимъ, западнорусскимъ или среднерусскимъ „къдѣ, вьсьдѣ, съдѣ“. Извѣстно, что въ наукѣ и до сихъ поръ еще оцущью намѣчаются и устраняются звуковыя и лексическія примѣты древнерусскихъ говоровъ, о чемъ еще скажемъ ниже. На стр. 50 прибавлено о появленіи *о* вм. глухого *з*. На стр. 154—155 приведено много новыхъ примѣровъ. Ниже мы разсмотримъ памятникъ южнорусской письменности XII в. Теперь же въ дополненіе къ новымъ фактамъ, вошедшимъ во 2-ое изд. Лекцій проф. Соболевскаго, прибавимъ нѣсколько наблюденій надъ различными памятниками, которыя, быть можетъ, пригодятся для желательнаго болѣе полнаго новаго изданія Лекцій по исторіи русскаго языка.

Сборникъ Троицко-Сергіевой лавры, № 12 (XII—XIII вв.): 53 л. въ коупили стѣи, 53 б. вде, 79 тьлкоуцому.

Златая Чепь Троицко-Сергіевой лавры № 11 (XIV в.): 99 б. ни головы было не вскланивати буюче челомъ ни очью было осушивати проливаюче, 100 б. легчае, (3 л.) робу, Сироховичь, творь, езва.

Сборникъ Руминцевскаго Музея XV в., № 406. Изъ массы любопытныхъ особенностей правописанія и языка отмѣчу нѣкоторыя, предполагая подробнѣе остановиться на всемъ этомъ въ другомъ мѣстѣ: корѣнь 2,100 л., мѣчь 215, 226 б., пѣщъ 178 б., вѣщъ 62, оучѣнїа 22 б, варѣнїа 64 б, ларцѣвъ 194 б, четверодневѣнъ 181 б, на сѣмъ 8 б, 20 б, 44 б и т. д., съ нѣю 15 б, о сѣй 59 б, в чѣм 71, виѣм 119 б, идѣши 193, да послѣтъ 113; мѣна *виу* и въ предлогахъ, и въ сложныхъ словахъ, и въ коренныхъ словахъ очень часта; самы 8 б, 212, блоудивыми 216, слызы 25 б; коонца 74 б, в нарѣдѣ 194 б; 3 л. поставити 98 б, прѣтешети и, положити и 98 б; наимниѣ 5, обличнїа 81, спасающею 186; метежь 148 б, прокленѣтъ 149 б, смирѣть 119, клѣтва 220 б, сѣтворѣтса 153 б, питѣются 124, оуклонѣмса 184, похоулѣмоу 180, прѣжиѣго 59 б, ближнѣго 152 б и др., речи (неопр. накл.) 18 б. защичая 205 б; изъочрѣнїе 31 б, вѣчеваа 177; блгоюханїе 144 б, гнюсный 152 б, юхи 66; ево 87, василей 128 б, несми (1 л ед. ч.) 110 б; зова 57 б, познаймо 1, ѿпримоса 72 б, напитаймо 85; не походи 121 б, не хоти 117 б. Замѣтимъ, что нѣкоторое разнообразїе въ языкѣ этой интересной рукописи объясняется списками съ южнорусскихъ и сѣвернорусскихъ сочиненїй (напримѣръ, въ отдѣлѣ поученїй): плотей, кораблїй 257, кораблей 255; множество *ж* на листѣ 250 и меньшее количество или отсутствїе на другихъ; вѣньченосно 177 б; по стапамъ 54, тварца 68 б, адаву 196; интересно написанїе „выры“ съ поправкой первой буквы на *ь* 213 б, указывающее на выговоръ слова, что иногда встрѣчаемъ и въ другихъ рукописяхъ. Позволю себѣ привести здѣсь еще нѣсколько примѣровъ, взятыхъ случайно изъ надписей на русскихъ монетахъ по описанїямъ въ изданїяхъ: „Описанїе древнихъ русскихъ монетъ, Москва, 1834 г.“ и „Удѣльные, великокняжескія и царскїя деньги древней Руси собранїа графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго. Спб. 1875 г.“. Такимъ матеріаломъ проф. Соболевскїй совсѣмъ не пользовался. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Москвя (XVII в.), Михяйло, Михяилъ, Василей Ивяновичъ (XVII в.), Васильи XV в., Мітреї XIV в., (Кашинскїй и Резаньскїй), кнежа

Онрек XIV в., князе, —ь, —я (XIV—XV вв. Москов.), княза (XV в. Резаньск.), Тварскі, Тфѣрскі, Тферско, Твѣрская денига, Твѣрская, Твѣрская денига XV в., Городѣска, Городѣнь (Городня, Gerodin у Герберштейна XV в.), Городениская денга (XV в.), Новгородскыи (начала XIV в.), всея, всеа, всеа (XV в.). Вообще можно замѣтить, что надписями на вещественныхъ памятникахъ (иконахъ, шлемахъ и проч.) проф. Соболевскій воспользовался въ самой незначительной степени (по пути, указанному Срезневскимъ).

Книга проф. Соболевскаго вызвала обширный разборъ академія Ягича, подъ названіемъ „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ (Спб. 1889 г., 154 стр.). Мы остановимся только на существенномъ пунктѣ разногласій двухъ выдающихся представителей историческаго изученія славянорусскихъ памятниковъ: о т. н. галицко-волинскомъ типѣ древнерусскихъ памятниковъ письменности до XV в. включительно. „Только тамъ, говоритъ уважаемый славистъ (стр. 11), гдѣ рядомъ съ особеннымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вмѣсто *е*, напоминающимъ случаи нынѣшняго малорусскаго *і* (изъ протяжнаго *е*), имѣются еще другія замѣчательныя особенности, какъ напримѣръ, замѣна начальнаго *ѡ* черезъ *у* и наоборотъ, замѣна сочетанія *жд* черезъ *жч*, переходъ окончанія *ть* передъ *и* въ *ти*— въ такомъ случаѣ нѣтъ повидимому причины сомнѣваться въ томъ, что тѣ памятники дѣйствительно принадлежать не только къ одной и той же группѣ, а также стояли подъ вліяніемъ одного и того же древнерусскаго нарѣчія... Но гдѣ нѣтъ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣтовъ, а есть только одно особенное употребленіе *ѣ* вм. *е* (какъ напр., въ Добриловомъ Евангеліи или въ Хутынскомъ служебникѣ), тамъ принадлежность памятника къ галицко-волинской области подлежитъ для меня еще большому сомнѣнію“. Далѣе Ягичъ выдѣляетъ „типъ кievскій, т. е. южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, въ которому здѣсь находился естественный переходъ“. Изъ 15 рукописей, разсмотрѣнныхъ проф. Соболевскимъ, цѣлую треть Ягичъ относитъ къ этому кievскому типу или восточному, южнорусскому вообще. Имѣя въ виду свой „Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности отъ XI в. до XVII“, который требуетъ теперь исправленій и дополненій, я позволю себѣ предложить по извѣстнымъ примѣтамъ слѣдующую группировку древнѣйшихъ памятниковъ южнорусскихъ. Я склоненъ примкнуть къ мнѣнію, недавно высказанному

г. Волковымъ, объ отношеніи Остромирова Евангелія къ памятни- камъ южнорусской письменности, такъ какъ въ немъ нѣтъ мѣны *ч* и *ц*, есть нѣсколько случаевъ мѣны *в* и *у* (Гауриль, рауви, см. Исслѣдованія по русскому языку, т. I, 1895 г., стр. 16) и, быть мо- жетъ, имѣетъ значеніе выдержанное употребленіе *з* послѣ *ж*, *ш*, *щ* (стр. 38—39), совпадающее съ такимъ же выдержаннымъ написаніемъ *з* въ Румянцевской Лѣствицѣ XII в., характеристику которой пред- ложимъ ниже. Далѣе, мы имѣемъ множество памятниковъ древнерус- ской письменности не галицко-волынскаго типа. Прослѣдимъ хотя общезвѣстныя рукописи, отмѣчая типичныя черты. Изборникъ 1073 г.: *и=н*—3 случая, *в=у*, *у=в*—6 случаевъ, *чоловъба*, 3 л.—ти и (впер- вые выставлена эта черта южнорусской письменности акад. Шахма- товымъ въ Archiv für slavische Philologie 1883 г., VII т., стр. 74: in den nordrussischen Denkmälern... begegnet diese Erscheinung entwe- der gar nicht oder äusserst selten—и приводятся примѣры: Жизнь Кон- драта, Изборникъ 1073 г., Архангельское Евангеліе 1092 г., Добролюво Евангеліе 1164, Евангеліе 1144, Житіе Θεодосія Печерскаго XII в. и далѣе нѣкоторые памятники XIII—XIV вв.), 3 л. безъ—ть (замѣ- тимъ, что во всемъ памятникѣ нѣтъ нигдѣ надстрочныхъ *т*, значить фѣрмы на л. 165 *хоще*, *сїсаю*, *погоуби* и проч. не могутъ отно- ситься только къ случаямъ опущенія надстрочнаго *т*), *ахименыды* 154, *сюриисцѣи* 153, и др.

Изборникъ 1076 г. („Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ“. В. Шимановскаго, 1887 г. Авторъ выступилъ противъ Соболевскаго и, согласно съ Житецкимъ, хотѣлъ доказать, что „ѣ, какъ отдѣльнаго звука, въ русскомъ языкѣ уже не существовало“, и рядомъ фак- товъ старался подорвать теорію о долготѣ $\bar{e}=\bar{f}$ въ галицко-волын- скихъ памятникахъ): 3 л.—ти и,—ты и (по Шимановскому, стр. 17), *у=в* и *в=у* (54), *и=ы* (милостини 48), интересно—*шъ*,—*жъ*,—*щъ*, *се=сь*, даже—*дажь*, *и=ѣ* (въ мироу).

Архангельское евангеліе 1092 г.: 3 л.—ти и (35 случаевъ),—*мы* и.

Пандекты Антиоха: *и=ѣ*, *у=в* и *в=у*.

Туровское Евангеліе: *и=ѣ*.

Патерикъ Синайскій XI в.: *у=в*, *в=у*, *скърбъ*.

Толстовская Псалтирь: *болѣшетъ*.

XII вѣкъ. Мстиславово Евангеліе 1117 г.: 3 л.—ти и (4 слу- чая),—ты и,—мы и (2 случая), *былы*; *сѣи*; *въгодие*.

Юрьевское Евангеліе 1118—1128 г.: 3 л.—ти и (3 случая),
выгодная, скръбь, съде, боудѣть.

Добрилово Евангеліе 1164 г.: 3 л.—ти и,—ты и,—те=ть; ы=и
(3 случая); у=в (рауви, доулѣть); скръбь; 2 л. множ. ч. изъявит. и
повелит. накл.—ть.

Лѣствица XII в.: ы=и; и=ѣ, е; ѣ=и; в=у, у=в.

Слово Ипполита объ Антихристѣ: у=в; и=ѣ, е;—жо,—шо,—цо.

Типографское Евангеліе № 7: 3 л.—ти и,—ты и; у=в, уз.

Никольское Евангеліе или Хлудовское: ы=и (не оубыешн), жа-
гома, ковьчогъ, жбрьцомъ.

Троицко-Сергіевъ сборникъ XII в. (см. выше): и=ѣ, е;—щю.

Златоструй и Торжественникъ XII в.: у=в;—вы и,—ти и; и=ѣ.

Сборникъ Москов. Успенск. собора: 3 л.—ти и (часто); ı=ı,
л; ки, ги.

XIII вѣкъ. Изборникъ Публичной б-ки Сиб.: у=в; е, ѣ=ı;
и=ѣ; и=ы; ы=и; о=а;—шо.

Оршанское Евангеліе: и=ѣ, ы=и.

XIV вѣкъ. Кіевская псалтирь 1397 г.: обышодших, 2 л. мно-
жес. ч. и 1 л. множес. ч. ѣ=е, и=ѣ; е=ѣ; ѣи=ы; ки, ги, хи; е=ı.

Сборникъ Царскаго: ы=и;—щой; у=в, в=у; ѣ=ѣ, е.

Всѣ перечисленные памятники, число которыхъ можно бы зна-
чительно увеличить, относятся къ числу южнорусскихъ, такъ какъ
не имѣютъ новгородской мѣны *и* и *ч*, жг=жд. Однако они не имѣ-
ютъ жч=жд, ѣ=е, какъ галицко-волынскія рукописи. Назовемъ при-
мѣты послѣднихъ хотя бы изъ трехъ памятниковъ: Галицкое Еван-
геліе 1144 г. жч=жд, у=в, в=у, 3 л.—ти и,—мы и; Апостоль
Христинопольскій жч=жд, у=в, в=у, 3 л.—ти и; Житіе Саввы
жч=жд, у=в, в=у, 3 л.—ти и,—лы и,—вы и,—жо, ѣ=е.

Послѣ „Лекцій“ Соболевскаго явились „Лекціи по исторической
грамматикѣ русскаго языка“ проф. Р. Ѳ. Брандта (М. 1892 г.). Пока
явился выпускъ I, обнимающій фонетику, и ожидается продолженіе
этого труда. Самъ авторъ въ предисловіи опредѣляетъ предметъ сво-
ихъ университетскихъ лекцій: „освѣщеніе литературнаго русскаго
языка діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближай-
шими (иногда и съ болѣе дальними) родичами“.

Историческое изученіе русскаго языка, уступающее въ послѣд-
не время діалектологіи, имѣетъ еще одного представителя въ лицѣ
акад. А. А. Шахматова. Его первая работа „Beiträge zur russischen

Grammatik“ (Archiv für Slavische Philologie. VII т., 1884 г.), написанная по поводу труда Соболевскаго „Исследования въ области русской грамматики“, представляет уже стремление отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ звуковомъ и формальномъ явленіи, къ тонкой разборчивости, исключаяющей огульныя сужденія. Давая нѣкоторыя новыя объясненія отдѣльнымъ фактамъ, г. Шахматовъ прибавилъ и нѣкоторыя новыя примѣты для характеристики древнерусскихъ говоровъ (—ти и 3 л. ед. и множ. ч.). Вторая работа г. Шахматова „Исследование о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“ (Спб. 1886 г.) даетъ точное филологическое изданіе древнихъ новгородскихъ грамотъ, подъ 20 №№ и всестороннее обслѣдованіе ихъ письма и языка. Авторъ старается не упустить ни одной черты, характеризующей графику и лингвистическую сторону грамотъ. Онъ обращаетъ вниманіе на надстрочные знаки и т. п. съ цѣлью установить школы письма, ихъ традиціонныя пріемы. Изъ звуковыхъ особенностей авторъ отмѣчаетъ отличія ѣ и е, причѣмъ исходить изъ представленія объ ѣ=іе, отмѣчаетъ начертаніе ѣ=је; далѣе указываетъ неслоговое у=в въ нѣкоторыхъ новгородскихъ говорахъ, г=h (въ изображеніи г=x или ѿ въ пропускѣ осподарь, осподь и т. п.); объясняетъ аналогіей формальныя особенности въ противоположность предшествующимъ изслѣдователямъ, объяснявшимъ почти все отклоненія формъ отъ старославянскихъ—звуковыми переходами. Въ дополненіи къ изслѣдованію г. Шахматовъ подробно касается вопроса о различіи звуковъ ѣ и е въ древнерусскомъ языкѣ до XV в., когда они могли совпасть и когда получило сильное развитіе измѣненіе е въ о. Согласно съ Потемней авторъ признаетъ въ древнерусскомъ ѣ тотъ же характеръ дифтонга, какой характеризуетъ и малорусскіе говоры: ѣе, ѣи, іе; между тѣмъ какъ въ старославянскихъ памятникахъ ѣ=е, что и подало поводъ къ ихъ смѣшенію въ памятникахъ церковнославянской письменности. Графическое употребленіе ѣ въ русской письменности авторъ сопоставляетъ съ начертаніями глухихъ ѣ и ѣ въ положеніи чистыхъ о и е. Въ ряду работъ, посвященныхъ исторіи русскаго языка (я не говорю здѣсь о бѣлорусскомъ нарѣчій, ссылаясь на свой предшествующій критико-библіографическій обзоръ трудовъ по бѣлорусскому нарѣчій за послѣдніе десять лѣтъ въ Кіевскихъ Университ. Изв. 1898 г.), отмѣчу еще нѣсколько описаній древнихъ памятниковъ. Г. Шимановскій въ „Очеркахъ по исторіи русскихъ нарѣчій въ XVI—XVII ст.“, 1893 г., сдѣлалъ обзоръ звуковыхъ и

формальных особенностей нѣсколькихъ старопечатныхъ и другихъ памятниковъ южнорусскаго нарѣчія. Г. Тихвинскій описалъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1893—94 гг. „Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в.“ Г. Никольскій описалъ русское Евангеліе XIV вѣка въ Русскомъ Филологич. Вѣстн. 1894 г. Г. Каринскій описалъ Погодинскій Апостоль 1391 г. (Русскій Филологич. Вѣстникъ 1896 д. №№ 3 и 4). Приведемъ изъ двухъ послѣднихъ статей интересныя данныя. Рукопись Пандектъ писана 4-ми почерками. Въ первомъ почеркѣ находимъ слѣдующія особенности: съвѣдатель, смѣшеніе *и* и *ч*, *ь* и *е*, 3 л. може, соу. Во второмъ почеркѣ встрѣчаются частыя замѣны *ь* черезъ *е*, особенно при *р*, *хочеть*, *мога*. Въ третьемъ почеркѣ замѣны касаются еще *з* черезъ *о* (*домъхо*, *преступихъмо*, *есомъ*) при замѣнѣ *ь* черезъ *е* (*ноще*, *предаже*, *весего*); при этомъ и глухіе *ъ*, *ь* употребляются вмѣсто *о*, *е*, *ѣ* (*въла*, *навѣде*, *по силъ свои*). Въ четвертомъ почеркѣ замѣны глухихъ встрѣчаются рѣже; чаще смѣшиваются *ь* и *е*. Вся рукопись характеризуется новгородскою смѣною *ч* и *ц*, но не имѣетъ жг=жд, и=ѣ. Въ текстахъ, напечатанныхъ у Срезневскаго (Свѣдѣнія и замѣтки), указано 138 ошибокъ. Русское Евангеліе XIV вѣка изъ собранія Верковича, описанное г. Никольскимъ, носить всѣ признаки т. н. галицко-волинской рецензій. Погодинскій апостоль 1391 г., имѣющій небольшое количество новгородскихъ примѣтъ, указываетъ только на особенную устойчивость церковнославянскихъ формъ въ апостольскихъ текстахъ.

Житіе св. Саввы Освященнаго XIII в., изданное проф. И. В. Помяловскимъ, всесторонне изслѣдовано проф. Колессой въ Архивѣ Ягича: „Dialectologische Merkmale des Südrussischen Denkmals Žitije sv. Savu“ (1896 г. XVIII т. Archiv für Slavische Philologie). Авторъ не только дѣлаетъ подробное описаніе фонетики и морфологій памятника, но и сопоставляетъ его съ другими подобными, входя въ подробности вопроса о древности южнорусскаго нарѣчія, о его раздѣленіи на западное (галицко-волинское) и восточное (киевское) и объ особенномъ значеніи такого памятника, какъ Житіе св. Саввы. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду ниже разсмотрѣть подробно также южнорусскій памятникъ XII вѣка, то пока и не будемъ входить въ подробности критико-библиографическаго очерка г. Колессы. Ранѣе этого очерка житіе св. Саввы было разсмотрѣно проф. Мочульскимъ, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Одесса, 1894 г.).

Въ послѣднее время все оцѣнительнѣе становится потребность въ самомъ внимательномъ изученіи живыхъ говоровъ русскихъ нарѣчій. Теперь уже не удовлетворяютъ изслѣдователей русскаго языка прежнія изданія русской народной словесности, особенно пѣсенъ. Въ настоящее время требуются записи—болѣе или менѣе точныя въ фонетическомъ отношеніи—отдѣльныхъ словъ, фразъ, обыденнаго народнаго разговора. Сводъ почти всего предшествующаго матеріала даетъ „Опытъ русской діалектологіи“ проф. А. И. Соболевскаго. Авторъ указываетъ въ предисловіи значеніе русской діалектологіи для занимающихся исторіей русскаго языка, для изучающихъ древніе памятники нашей письменности въ широкомъ смыслѣ слова, т. е., для юристовъ, историковъ и филологовъ. Скромное значеніе своего цѣннаго труда проф. Соболевскій опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „наша задача—указать главные особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ, а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанія на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ“ (см. изд. 1897 г. вып. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское). „Опытъ“ проф. Соболевскаго даетъ перечень звуковыхъ и отчасти формальныхъ явленій по отдѣльнымъ говорамъ съ указаніемъ литературы предмета—нерѣдко по губернскимъ вѣдомостямъ и земскимъ изданіямъ. Не въ такой степени, конечно, авторъ могъ пользоваться литературой по малорусскому нарѣчію. Не будемъ ставить въ упрекъ автору, что онъ не выбиралъ изъ своихъ пособій всѣхъ фактовъ, ограничиваясь существенными чертами. Во всякомъ случаѣ „Опытъ русской діалектологіи“ вызвалъ тѣ предпріятія Императорской Академіи Наукъ, которыя осуществляетъ акад. Шахматовъ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Академіи Наукъ“ и частныя лица въ статьяхъ Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ“ 1897 г. (т. II, кн. IV) акад. Шахматовъ посвятилъ интересную статью „Опыту русской діалектологіи“ А. И. Соболевскаго, въ которой обобщилъ свои взгляды на исторію русскихъ нарѣчій и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о методѣ изслѣдованія діалектологіи. „Московский говоръ (относящійся къ южно-великорусскому нарѣчію, тождественный съ литературнымъ или общерусскимъ языкомъ) я считаю говоромъ смѣшаннымъ, такъ какъ въ

немъ переплелись черты сѣверновеликорусскаго и южновеликобѣлорусскаго вокализма: ср. акапье и рядомъ съ этимъ *i* не *h*, *m* твердое въ окончаніяхъ 3 л. ед. и мн. ч.⁴. Такой взглядъ высказанъ и въ двухъ замѣчательныхъ работахъ по южновеликорусской діалектологіи проф. Будде („Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“ въ Русск. Филол. Вѣстн. 1892 г. и отдѣльно, и „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“ 1896 г.), который высказался за смѣшанное происхожденіе рязанскихъ говоровъ. Справедливо замѣчаетъ акад. Шахматовъ объ „Опытѣ“ А. И. Соболевскаго: „авторъ недостаточно пользуется тѣми данными, которыя можно извлечь изъ изслѣдованныхъ имъ печатныхъ источниковъ“ (по крайней мѣрѣ, я могу сказать то же, сравнивая извѣстный трудъ Колосова съ трудомъ Соболевскаго).

Цѣнныя „Изслѣдованія въ области русской фонетики“ (1893 г.) г. Шахматова вызвали двѣ замѣтки въ харьковскихъ „Запискахъ Университета“ 1894 г. и въ „Живой Старинѣ“ 1895 г. проф. Ляпунова. Замѣтки эти, кромѣ критическаго разбора труда акад. Шахматова, содержатъ еще полезныя разъясненія строго-научной и потому не всегда доступной неподготовленному читателю работы. Желательно, чтобы талантливый авторъ далъ намъ такое же соединеніе своихъ общихъ взглядовъ съ изслѣдованіемъ частныхъ явленій изъ области русскаго языка, какое представилъ, на примѣръ, проф. Богородицкій въ началомъ „Курсъ русской грамматики“, остановившемся, къ сожалѣнію, на самомъ началѣ труда. Мы не можемъ не высказаться противъ математическаго способа выраженія, принятаго нашими выдающимися филологами, въ формѣ обобщенныхъ формулъ, аксіомъ, и т. п. Уже достаточно указать, что и болѣе или менѣе подготовленный читатель долженъ употребить много времени на обдумываніе прочитаннаго въ видѣ сжатыхъ общихъ положеній, намековъ, безъ соответствующихъ примѣровъ. Не проще ли было бы облегчить трудъ читателя пространнымъ изложеніемъ, хотя бы и въ большой книгѣ? Не разбирая появившихся въ послѣднее время многочисленныхъ матеріаловъ по русской діалектологіи, критическихъ замѣтокъ по исторіи русскаго языка (на примѣръ, проф. Волкова „Къ исторіи русскаго языка“ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1894 г. № 1, написанной по поводу извѣстнаго труда проф. Брандта „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка“ 1892 г.), отмѣтимъ значительные успѣхи въ разработкѣ русскаго языка съ точки зрѣнія—

исторической и діалектологической,—достигнутые въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Если все это въ чемъ либо сводѣ получить общедоступную форму, то мы обогатимся такимъ же капитальнымъ трудомъ, какой предпринялъ нѣмецкій германистъ 50 лѣтъ тому назадъ, и что только предчувствовалъ и вызывалъ своими „Мыслями объ исторіи русскаго языка“ покойный академикъ Срезневскій.

II.

Румянцевская Лѣствица XII вѣка, № 198.

Описаніе рукописи у Востокова въ „Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ (Спб. 1842 г., стр. 253—255), которое мы не будемъ повторять, имѣя въ виду исключительно языкъ и письмо этого древняго памятника. Выдержки изъ рукописи, сравнительно съ греческимъ текстомъ, напечатаны у Амфилохія—„Палеографическое описаніе греческихъ рукописей IX и X вѣка“, т. I (Москва, 1879 г.), стр. 31—37, 66—71. Ссылки на языкъ памятника встрѣчаются въ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка А. И. Соболевскаго.

Остановимся прежде всего на палеографической сторонѣ Лѣствицы. Рукопись писана на пергаменѣ, въ два столбца, крупнымъ уставомъ первой половины XII вѣка (мельче съ л. 178 б—другой рукой), съ киноварными заглавіями и большими буквами, на 218 листахъ (последній листъ исписанъ мелкими приписками, разобранными Востоковымъ). Стиль небольшой заставки заглавнаго листа и большихъ буквъ—византійскій. Подъ заставкой читаемъ заглавіе рукописи: „+ климакъ сирѣчь лѣствица бѣжествнааго въсхода имюци степенъ ѿ житіе преподобнааго оца ивана игомена сына горы синнаискымъ нарицаемааго схаласіака сющааго въ свѣтлыхъ по истинѣ. го́споди бл҃гослови о́ѣ“.

Изъ начертаній прежде всего замѣчательно въ концѣ строкъ у въ видѣ о, кромѣ котораго пишется з и чаще оу.

о всегда имѣеть начертаніе въ видѣ трехъ одинаковой высоты черточекъ; но уже крайне рѣдко встрѣчается полное написаніе пред-

лога *отъ*, изображаемаго Ѡ и изрѣдка ѡ. Двойное *оо* встрѣтилось въ словѣ „оокоу“ б.

Юсы встрѣчаются изрѣдка и йотированные и простые — правильно и по русски вмѣсто *у, ю, ю:* бѣдет 148, сѣцоу 195 б, добротробие 147, боуюж 146, обыкнѣти 152 б, сжиротивъ 173 в, чернюж 203, жтробоу 93, оутробж 93, посрѣднюж 196 б; жбо 31, 192, живоужмоу 198 б, пожвръzenie 116, жскоусьнъ 192, жправивъшемъ 107 б, жмьръ 100, дожтра 54 б, жкорѣхъ 32 б, жби 215, жвѣдѣхъ 214 б, къ жчителю 132 б—133 и др.; доблѣма 160 б, жва 112 б, градаахоу 113 б, грасти 16 б, 19, 24, и др.

е изображается черезъ *є, ѳ, є* (широкое чаще въ концѣ строкъ), *ѣ, и, ѳ, ю, ѣ* имѣютъ всегда соединительныя черточки посрединѣ. *ы* однажды написано *ы л. 55 об.* и разъ исправлено.

Подъ титломъ, въ видѣ тонкой перегнутой линіи, находимъ слѣдующія буквы: *о, с, ч, п, ш, л, д, а, ж, н, т, ѣ, х, р, ш, ѣ, в, г, з, ю, а, мь, къ; тѠ=того.*

Изъ надстрочныхъ знаковъ смягченіе въ видѣ т. с. перевернутого просодическаго знака краткости чаще всего стоитъ надъ *и* и *а* передъ узконѣбными гласными, даже передъ *ю.* Точка сверху гласныхъ слога-отдѣляющихъ или йотированныхъ не всегда соблюдена, двоеточіе ставится надъ *оу*, а двѣ черточки надъ *і.* Однажды встрѣчается даже древнѣйшее обозначеніе мягкости *л*, въ родѣ Изборника 1073 г. и др., съ приписной черточкой сверху *л* съ права *лѣгкѣ* 211 б.

Лигатуры въ концѣ строкъ пишутся часто изъ буквъ: *а* и *у,* *тв, ть, ру,* и проч.

Встрѣчаются поправки *о* на *з:* напѣлнѣющо (исправлено на *ъ*) 152 б, и др.

Не говоримъ о древнихъ начертаніяхъ *ч* чашей, *ѣ* въ строкѣ, *з*—Остромировскаго, или типа Изборника 1073 г. и др.

Изъ ошибокъ чаще встрѣчаются повторенія слоговъ: *въпада* даютъ 173;—*ниенъе, Ѡвъзри Ѡвъзри* 56 б, *юдоном* 81 б (2 раза), *своесвь* 112 б, и т. п.

Переходимъ къ употребленію буквъ и отношенію ихъ къ звукамъ.

Глухіе *з* и *ь* встрѣчаются часто. Рѣже всего видимъ старославянское употребленіе *з* и *ь* при плавныхъ *р, л,* замѣняемое русскимъ выговоромъ, выдержаннымъ въ Лѣствицѣ. Вотъ нѣсколько случаевъ

перваго рода: ѿвръжение 182 б, чръвие 83 б, чръвь 82 б, смръчь 146, смръчевь 146, грътани 56 б, трьпѣливы 211 б и др.

Пропуски *з, ѡ* чаще въ окончаніяхъ возвратныхъ глаголовъ, нерѣдко отмѣчены паеркомъ. Пропуски *з, ѡ* въ концѣ строкъ немногочисленны; также почти немногочисленны и пропуски ихъ въ срединѣ словъ (особенно въ надежныхъ окончаніяхъ мѣстоименій) имже 159, 161, онихже 161, тѣмже 136, любве 191, разоумже 191 б, веѣмъ (нерѣдко), сде 196 б, зла 197 б, все (нерѣдко), кто (часто), самже 207, разлоучаются 197 б и т. п.

Нельзя не обратить вниманія на множество словъ, въ которыхъ нѣтъ чистыхъ гласныхъ, замѣняемыхъ правильно по церковно-славянски *з, ѡ*: вѣльмь 54 б, сѣнцьмь 131, сѣцьмь 64 б, скербьмь 111, тѣньмь 106 б, скербьньмь 58 б, въ чьстьхъ 131, вѣльчь 120, обьль 78, пѣльнь 75 б, дѣльгъ 50, крвь 84, мьчьтъ 117 б, зѣльчъ 94, гръзнъ 135, всекъ 45, смьрть 64 б, скербьнь 66 б, 69, слъзь 55, сьрдцьмь 55, дѣльгъ 56 б, шьдъ 50 б, вѣль 57, всеъ 57, 61 б, кършьнь 58, льстьць 120 б, чърньць 66, пьсь 69 б, сьтъ 73 б, вьрхъ 74, вѣлькъ 75 б, зьль 76 б (зьлемъ=золъ зьлі 82 б), чърнильмь 79, брвь 80, вѣльнь 81, зьрнобрьць 86, зьль 87 б, двьрь 94 б, тѣньмь 106 б, тьльньно 109, сьжъмь 125 б, вѣль 127 б, вьзьмь сьвьбкъ 140 б, сь львьмь 173.

Что глухіе *з, ѡ* имѣли гласное произношеніе въ началѣ XII в., можно видѣть не только изъ приводимыхъ фактовъ (напр., см. ниже глухіе *вм.* гласныхъ и гласные *вм.* глухихъ), но и изъ слѣдующихъ: помысльмь 128 б (здѣсь *ы=ъ, о*), бывши 73 б, горо(исправлено припиской сверху дополнительнаго начертанія для *з*)кыа 60, въ сьмьрти 65, по(исправлено припиской сверху черточки на *ѡ*)рвое 85 б, со(исправлено *з*)мысль 94; вьньгда 94, оустьрмление 99, оустьрматса 210.

Всеѣ окончанія строкъ, исключаая немногихъ (сьбор 14, чл(чѣвѣцѣхъ) 14, 35, 58, при 35, прѣб 39 б, погыб 42 б, плѣт 45 б, против 46 б) имѣють гласныя буквы, или глухія *з, ѡ*. Согласныя окончанія являютя изрѣдка вслѣдствіе русскаго выговора *з, ѡ* при плавныхъ: тьрпить 109 б, ѿвь-рже 110 б, въ ць-ркъве 115, кър-митель 114, мьрт-выхъ 117, кър-рмлю 92, ѿть-ргноути 93, жь-рца 94 б, вѣль-ны 95, пь-рвыа 136, оутьвь-ржаетса 136, напьр-выи 62, чър-ньскоумоу 65, пь-льнь 75 б, дѣль-го 79, и проч. Очень мало такихъ отступленій, какъ: сьвьр-шениа 189 б и проч.

Механическая постановка *з* и *ь* въ концѣ строкъ: множъ-на 186 б, мѣ-ножна 186 б, мѣ-ного 50, мѣ-ножество 55 б, оустъ-рмліе-ние 80.

Лишнее *ъ*: о подыхтии 212, въоставъ 190, польоучъшихъ 192 б, безоуоставныхъ 201 б, объёмлеть 198, изьобрѣтаемо 71, съдравъуи 80 б, чоужахъуса 80 б, възъоупрашающе 154.

Послѣ согласныхъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* всегда, безъ исключенія, употребляется *з* (точно такъ же, какъ въ Остромировомъ Евангеліи 1056—1057 гг. и спорадически въ другихъ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ): жъ-рты 32 б, чъ-то 58 б, качъ-ства 52, слово-държць 124 б, дошдь 3 б, помощь 10, мощьвъ 2 и проч. Ср. дѣи 103.

з вмѣсто *ь* рѣдко: чръвие 83 б, естъ 21 б (2 раза). Послѣ другихъ согласныхъ изрѣдка *з*: мысль 135, оудоль 137.

ь вмѣсто *з* чаще: скърбь 4, 7 б, скърбѣнии 34 б, скърбъ-нѣмъ 58 б, скъ-рбѣнии 55, скърби 190; въскъ 45, гръзнь 136 (163 б грознь), довьлнѣ 181 б, довьлна 161, любвьью 8 б, пьваи 194, любвььнаго 196, кротъ-къ 135, книгахъ 149 б, безъ 202, багъ 202 б, въ сынѣ 161 б (вообще находимъ „сынъ“ часто), съдъргноуша 118 б.

Глухіе *з*, *ь* на мѣстѣ гласныхъ: соупротивъса 19 б, 181 б, ѿ окъврѣдимъ 150—150 б, любы творьтъ 197, какъ 213, блъзь 3, тръстльинамъ 10, тръстлььныи 181 б, въ немощьхъ 151, врачьхъ 203 б, любвьию 178 б.

Гласные на мѣстѣ *з*, *ь*: ѿ мирискихъ 15, чреплюще 151 б, чреплющюму 173 б, доброчистивѣ 7 б, спить 70, вышіиши 196, прѣдмостомщаго 207, искусены 46, обычено 217 б, оусредь 65 б (продѣрѣос, аласгитер=оусредьнѣ, оусредь, оусьрди, оусьрда Изб. 1073), гратаньныхъ 24 б.

Полногласныя формы ограничиваются нѣсколькими случаями: не берегома 49, жерельнии 74 б, сьребро 46 б, изьмеры 11. Здѣсь же отмѣтимъ рѣдкіе случаи: развьръгъши 59 б, пьрсьи 107, вълъхво 110 б, ѿтьръгнеть 40 б, дълъзѣ 49 б.

ь, *е*, *ю*: ѣ замѣчательно выдержано во всей рукописи, исключая отступлений (и то не всегда) въ сочетаніяхъ согласныхъ съ плавными *р*, *л*, послѣ которыхъ ставится *е*.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ употребленія *ѣ*: нѣкого, нѣ-коемъ 12, нѣ на что 16, нѣ отъ коихъ 19 б; нѣсть, дѣтъѣ 52, мосѣа 9, брѣма 8 б, грѣховное, крѣпъ, крѣпцѣ, дѣло, сѣма, рѣчь, гнѣздо, тѣло (но: телеса, телесе 15 б, 16), бѣсѣда и бесѣда; прѣдъ, прѣ—и

рядомъ предъ, пре—; чресъ, кѣде, кде, съде, вьсьде, всьде (всегда). Изрѣдка находимъ: ко жене 184 б, съмерение 5 б.

ѣ встрѣчается на каждой страницѣ рукописи; рядомъ съ нимъ, какъ я уже замѣтилъ выше, употребляется ѣ, є (широкое). Замѣчательно написаніе съ ѣ слѣдующихъ словъ: хранителіе 57, правителіе 145 б, подателіе 164 б, дѣлателіе 165 б; оучителіевомъ 43 б, оучителіевами 49, рывнителіемъ 33 б, раслабленіи 12 б, оставленіи 27, 39, оуправленіе 27 б, 44, блговоленіи 40, оупленіе іемоу 40 б, квліена 27, не въ собліеное 21 б, томліени 43, посоушлентъ 45, пріемліши 52 б, земледѣльникъ 51, приемлеть 32. Также часто ставится ѣ послѣ и: поклоненіи 2 б, обраеніи 12 б, поклоніи 35 б, храніеніемъ 43 б, 44, окаменіе 45, натриженіе 41, премѣненіе іиіе 53 б; оутръіе 47, къ іемоу 25 б, 44 б, 38, бежніе 25, 32 б, 37 б, о іиіе 38, къ іиіе 2 б, наніеже 50 б, доіиіе 51, оуіе 36, доіиіеже 9 б, 26 б, върховніе 3, соужитіелъ 131 б, сьгніетоша, изгніетеноу 65 б (также въ Остромир. Ев., nsl. gñjetati), мніе 95 б, 110; не такъ послѣдовательно проводится употребленіе ѣ послѣ гласныхъ: расоуженіе 18, вещьное 47, сьвършеное 41, коіе 30 б; третіе 32, пребываетъ 40 б, пріемлеть 32, надѣется 42 б, оставлеть 46, сьтварметь 46, сьмащраметъ 49, сьбратією 49 б, своіею 8, тьрпніемъ 41, ісцѣлніемъ 43, трезвеніемъ 44; оскьрблнемъ 49 б, оброуговаемъ 36 б, разарамы 36 б; въ окончаніяхъ: начастіе іединоу 24, и проч. Послѣ р, ш, щ, ж никогда ѣ не встрѣчается.

ѣ иногда замѣняетъ и: въ велѣцѣи 139 б, прѣемлеть 181 (пріемлеть 181 б) прѣвѣваніи 181 б, оумножѣша 166 б, сьмѣрихъса 185 б, прѣнитиса 155.

ѣ погрѣбе(ѣ исправлено изъ и)ніи 174.

Чаще и стоитъ на мѣстѣ ѣ: прѣтварамы 191 б, прібывал 64, 77 б, пріобиди мѣ 93, кде пиваніе 56 б, рассмотривъ 1 б, поуітіиши 51, процвитати 135, смотривъше 73, прі- (исправлено на „пріестолецемъ“) 115.

Южнорусское происхожденіе разсматриваемой рукописи, при полномъ отсутствіи мѣны и и ѣ, жг=жд, уже видно изъ предыдущихъ примѣровъ, которые подтверждаются еще слѣдующими звуковыми явленіями. Теперь же я остановлюсь на множествѣ замѣчательныхъ формъ на-іиіе,—аніе вмѣсто ожидаемыхъ—іиіе. Если мы вспомнимъ особенности волынско-украинскаго говора съ его твер-

дыми ж, ш, щ и причастіями на—анный (печанный, варанный, ношанный и проч.), то, кажется, нашъ памятникъ писанъ въ предѣлахъ волинскихъ, но безъ галицкихъ особенностей, если не считать—ение за выраженіе того звука, который передавался во множествѣ т. н. галицко-волинскихъ памятниковъ черезъ—ьние, -ьль, -ь. Былъ ли это звукъ средній между *a* и *o* съ наклономъ къ *e*, оставляю этотъ вопросъ открытымъ. Памятники XI в. (Изборникъ 1073 г. и др.) представляютъ много такихъ примѣровъ. Приведемъ всѣ примѣры, относящіеся къ разсматриваемому явленію: раслаблѣние 89 б, раслаблянію 179, исцѣлѣніа 210 б, жмышлѣние 99, примышлѣніа 132, размышлѣние 88, помышлѣние 64 б, 66 б, съкоуплѣніе 105 б, промышлѣніихъ 106 (но: давленіе 213); плѣнѣнію 86 б, 191, наплѣнѣніа 183, премѣнѣние 8, поклонѣние 30 б, прекланѣніе 108 (но: патрижѣніе 41 и др.); възвращаніе 86 б, съкроушаніе 127 б, 146 б, 191 б, о запрѣщаніихъ 209, оутѣшаніа 207, съгрѣшаніа 24 б, 209 б, прѣсыщаніа 191, възвѣщаніе 187, ѡвѣщаваніа 184, искоушанѣ 33 б, съгрѣшаніи 39, 52 б, 53, 124 б, прельщаніа 16; охоужданіе 146 б, 180 б, разоужданіе 147, 180, чадоражаніи 112, осоужданіе 68, 85, съблѣжаніа 105 б, приближаніе 14 б, протѣжаныхъ 114 б (но: подраженіе 131, възлеженіи 126); пороучаніи 209, ожесточаніа 9, обучаніе 29 б, 51, пооучанію 36 б, 64, 67 б, обличаніи 38 б, 39, 124 б, исчазаеть 198 б; нираніа 207 б, оухыщраніа 186 б, 14, 54, 99, обыданіа 87, оукараніи 32, 51, 54 б, 60, 77 б, опасаніе 28 б (но: съмоощреніе 156), пооувързаніе 67, отьмѣнѣвати 108 б. Ср. статью г. Крымскаго въ Кіевской Старинѣ 1899 г. 1 кн. Въ словѣ „нынѣ“ находимъ чаще „ныня“, „ныняшного“ 179 б и др.; издаща 127 б.

Немногіе примѣры на измѣненія гласныхъ *e*, *i*, *a* представляютъ слѣдующіе случаи: хотеще 54, възематиса 126, приемати 117 б (примна 136 б); властѣнѣ 182, издрамитомъ 215 б, неизгѣимыхъ 217 (ср. въ глѣмѣмъ 66).

Нѣсколько примѣровъ указываютъ на ш=и и обратно: самы 66 б, 148 б (вин. множ. ч.), сътвориы (3 л. множ. ч.) 145, ширѣнѣ 19, 17 б, 195 б; въ ширѣни 19, въ ширѣнѣ 17 б, обрысовати 214 (впрочемъ, *p* вообще твердое: мороу 17 б, борущимса 161, прехыщраеть 29 б, оухыщраніа 186 б, нираніа 207 б, монастира 213 б, ѡбрысамъ 211; нѣкоторые изъ этихъ случаевъ, напоминая сербизмы, могутъ относиться къ древнимъ западнославянскимъ говорамъ церковно-славянскаго

языка); бездни 202. хлѣби 185, злоби (часто), надежди 81, 187, труди 122 б, разоуми 127, ширину 146.

Отчасти мягкость согласныхъ, отчасти измѣненіе гласныхъ, или передачу **ж**, представляютъ слѣдующіе нерѣдкіе примѣры: ближнююмоу, чреплющюмоу 173 б, пьсю 193, вьсадника, вьсадникоу 128, доблюмоу 20 б, раздрюшати 209 б, раздрюшение 187, расюжении, расюднѣмь 158 б, юто 167, третьюмоу 112, 154 б, имющи 1, сютъ 178 б, сющааго 1, будють 179, пронырюють 150 б. Востоковъ высказалъ предположеніе (Описаніе 1842 г., стр. 254), что писецъ нашей рукописи „смѣшивалъ произношеніе буквъ ж и ю, ибо пишетъ: имющи, сющааго, и проч., нашедъ, вѣроитно, въ оригиналъ своемъ: имѣщи, сѣщааго, по болгарскому древнему правописанію“. Однако въ словѣ Ипполита XII в. находимъ „сютъ“, въ Богословіи Дамаскина XII в. „сюпротивъ“.—Форма „гоульзбъ“ 79=голубъ скорѣе всего относится къ числу описокъ. Нерѣдко встрѣчается винит. пад. женск. рода отъ мѣстоименія ть, та въ видѣ „тю“=тъ 104 б, „тю прозвати“; пристопльше 115=ж.

Подъ вліяніемъ древняго южнославянскаго оригинала въ Лѣствицѣ часто встрѣчаемъ написанія безъ йота: отьмѣнѣть 145 (какъ въ Маріинскомъ Евангеліи), подобаа 86 б, окаанѣи 175, окааныхъ 145; сѣаніе 156, подааніе 184, бывааше 66, имѣаста 165, съдравиа 138; оусердиа 46, доброслоутиа 135, начааніе 60.

Нерѣдки измѣненія окончаній—іе,—ія въ—ѣе,—ѣя и коренныхъ=ія въ—ѣя: пошьствѣа 96, празднословье 56, безгнѣвье 68, бляхоу 55, бечѣствѣа 62.

Послѣ *и* почти всегда находимъ узконѣбныя гласныя: лица, лицу, до конца, палицю, навѣцмѣть 199 и др.

Послѣ *и* и *и* иногда встрѣчаемъ о=е: вьспрѣщающомъ 54 б, расоужающомъ 6, гонащомоу 22, по рекшомоу 14 б, носашомоу 12 б, борющомъ 10 б.

Отмѣтимъ еще „одиного“ 87.

Переходя къ согласнымъ, прежде всего отмѣтимъ мѣну *у* и *о*: лаурьскаго игоумена 49, не оу печали гонезноу 16, нинеѣите 57 б, пауль 99 б, 205 и др., вьспѣхъ 57, вьстранивѣса ѿ мира 18 б, оуселѣноую 55 б, оуселѣние 59 б, вьгажаеть 171 б, вьгодіша 188, вьгодіти 198, вьгаждане, вьгодникъ 204 б, вьгоднѣтъ, вьчинимъ 188 и пр. Послѣдніе случаи можно разматривать такъ же, какъ мѣну предлоговъ *въ* и *у*.

Непереходное смягченіе гортанныхъ отмѣчено уже въ Лекціяхъ Соболевскаго и по разсматриваемой рукописи: моужьскѣмъ 30, на дѣскѣ 176 б, ливаньскѣ-а 105, (однако здѣсь должно читать ы въ концѣ строки).

Отмѣтимъ нѣсколько случаевъ соотвѣтствія русскаго *ч* старосл. шт: наречи 12; приричоуща 141, печера 3, мечоущумоу 69.

Массы русскихъ формъ съ ж=жд старосл. не приводимъ.

Интересны пропуски буквъ *и*=*h* и *е*=*ŷ* (по всей вѣроятности) и др.: оумачи (2 раза 45, причемъ сверху приписано позднѣйшей рукою *и*); оумачиша 83, оумачено 116 б, овѣда (45 также сверху надъ *ѣ* приписано *и*); ѿшѣстим 43 б, 63, насъшѣстие 43, фати 87, напъсанѣмъ 110, бѣисаныи 134, исании 134 б.

Отмѣтимъ написанія: осѣнита 52 б, объѣвила 36; бесъса 152 б (безъ сьса), оуединиене 179 б.

Гласный *и* имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе *і*: обычаи мать 198 б (пропущено *и*), вѣяа 163 б, третиаго 161, третиему 144 б, третиеѣ 62, какъ *ѣ* въ подобныхъ же положеніяхъ: бестрашѣемъ 65, бечѣстѣемъ 69 б.

Какъ уже отмѣчено выше *ж*, *ш*, *щ*, *ч* всегда тверды, *и* всегда мягкое, *р*, *л*, *н* бываютъ и мягкими и твердыми.

Изъ формальныхъ особенностей, среди которыхъ приходится отмѣтить много церковнославянскихъ формъ двойственного числа, прошедшихъ временъ, протяженныхъ формъ, отмѣтимъ нѣкоторыя.

Рядомъ встрѣчаемъ: ѿ землѣ 20 б, съ земля 26 б; на нѣсе и на нѣси 44 б, дѣе и дѣи, обычаимъ и обычаемъ; много формъ творит. пад. на—ъмъ и рядомъ на—омъ,—омъ; въ мѣстоименіяхъ: тобѣ, собѣ (но чаще: тебѣ, себѣ).

Заслуживаетъ вниманія обиліе формъ родительнаго падежа именъ существительныхъ на—овъ,—евъ: смѣховъ 88, дѣовъ 146, мраковъ 146, бѣсовъ 195 б, облычевъ 77 б, врачевъ 81 б, 185 б, вредовъ 107.

Особенности древнѣйшаго оригинала нашей Лѣтвицы проглядываютъ во множествѣ протяженныхъ сложныхъ формъ, въ употребленіи двойственного числа, съ различеніемъ 2 и 3 лицъ въ глагольныхъ формахъ, въ употребленіи достигательнаго склоненія. Ниже мы еще приведемъ и подборъ словъ, указывающихъ на діалектическія особенности церковнославянскаго оригинала, или первоначаль-

наго древнѣйшаго перевода Лѣтвицы. Теперь же отмѣтимъ нѣсколько примѣровъ изъ массы формъ разсматриваемаго памятника.

Прилагательныя имѣють растяженныя формы всѣхъ чиселъ: въ род. пад. единств. числа имѣють—ааго,—ааго,—аго, въ дат. пад. единств. ч. — оуоумоу,—оумоу,—юмоу,—шомоу,—щомоу, и проч.; въ глаголахъ двойственное число: станевѣ 1, 4 б, ѿвѣрзостеса очи 90, коуписте 110 б, послужисте роуцѣ 111, начастіе 24; хранааста 74, расыпааста 89 б; единств. и множ. число имперфекта: чоуахъ 101, бѣаше и блаше 55 б, бывааше 66 и пр. мѣнахоу 102, молаахоу 60 б; достигабельное наклоненіе: красть шѣдъна 11, погреть 15, 184.

Къ формамъ, отступающимъ отъ общаго типа памятника, относятся слѣдующія: ищужего 102, звѣреви 146, цѣеви 204, любви (род.) 131, Иоанни (зват.) 4, бѣжать 126 б, тѣриахъ 50, о второмъ 185 (последнее о исправлено на ѿ: „о вторѣмъ“). Замѣчательно, что мы не встрѣтили въ Лѣтвицѣ XII в. извѣстныхъ древнерусскихъ формъ на—„хоуть,—шетъ“, хотя переходящее время встрѣчается часто и въ полной формѣ и въ стяженной. Не встрѣчается и формъ 3 л. ед. и множ. чиселъ на—ти и. Не произошли ли эти формы изъ сокращенія встрѣчающихся часто въ нашемъ памятникѣ: „авить ти“ 191 и т. п.? Въ Лѣтвицѣ XII в. постоянно находимъ 3 л. или съ „ти“, или съ „си“. А сокращенія, въ родѣ—ъш=ыш, или „осѣнитѣ“=осѣнить та и т. п., указываютъ на возможность и такихъ явленій, какъ—тѣти=тти=ти. Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла просто съ способомъ письма, графики, какъ „зюлоба“ при „зѣлоба“, „сьсѣца“ и т. п.? Едва-ли это живая рѣчь XI—XII вв.?

Значительное количество глагольныхъ формъ 3 л. ед. и множ. чиселъ безъ—ть заслуживаетъ особеннаго вниманія: ѿ, е 60 б, 77 б, съниде 129 б, сыше 41 б, боуде 100, 169 б, 180 б, възможе 113 б, 165, 206 б, поможе 176 б, не хоче 113 б, вълие 112 б, начъне 122, престане 137, глѣе 112 б, бывае 144, 147 б, потреби 157, съхрани 165 б, соу 76 б, 154 б. Вообще 3 л. ед. и множ. числа на—ть, исключая изрѣдка: есть.

Также много формъ 1 лица множ. числа на—мы: ѿвѣщахомы 12 б, оукрадохомы 122, приахомы 40, оувѣмы 44 б, оубоимыса 11, боудемы 11, обращемыса 21, подивихомыса 22, възгодимы 11, побесѣдоуѣмы 110, есмы (но чаще есмь).

Повелительное наклоненіе имѣеть во 2 лицѣ единств. числа форму: хоци ли 30 б, хоци 59 б, 102 б, не хоци мѣ ѿэле 67, 98.

Упомянемъ о постановкѣ мѣстоименій са, си впереди глагола: да са биеть 90, да са съвзаоуеть, да са възоупрашають, да са съоужають 91 б; вѣвѣривъси 34 б, вѣвѣрихъси 202, расыплиси 178, срѣде си опечалметь 17, си преплаваете 24.

Словообразование нѣкоторыхъ выраженій заслуживаетъ вниманія: стыдъки помыслы 115, зависки 102 б (ѡ зависки бѣсовскы), оучищенъ 135 б (плачь оучищенъ всякомъ сквърны; см. Миклошичъ Лексиконъ; оучиштати Cloz.), оучителище 146 б, елишды 34, многашды (всегда), двашды 160, десатишды 36 б.

Интересно сопоставить правописание Лѣтвицы XII вѣка съ особенностями письма и языка „Архивской Лѣтвицы XIII—XIV в.“ (библ. Московск. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ), отмѣченными проф. Соболевскимъ въ статьѣ—„Два древнихъ памятника галицко-волинскаго нарѣчя“ (Русскій Филологич. Вѣстникъ 1884 г., № 3): 1) повторяются тѣже черты: приобидѣ, видихъ, нижишим, скърбь, огъмаго, присядяца, оухыщрашия, въскъ, змья, вузы, умачивна, помужьскѣ, въспытаймы, есмы, испытаймы, вѣмы и проч., сыпле, буде, ѳ и пр. 2) особенности самостоятельныя: ѳ=е по образцу т. н. галицко-волинскихъ памятниковъ, случая старославянскаго правописанія, въ словахъ „сѣмръть“ и во всѣхъ производныхъ, полногласныя формы—орь-, -ерь-, -брь-, великии и производныя съ—ки, што, вереми и проч.

Не объясняются ли галицко-волинскія особенности, замѣченные проф. А. И. Соболевскимъ въ Архивной Лѣтвицѣ, графикой, а не фонетикой въ слѣдующихъ случаяхъ: ѡ=е вмѣсто ѳ (масса случаевъ), ю=е въ „пущюноу“ смѣшеніемъ съ йотированнымъ е=ѳ?

Замѣтимъ ошибки проф. Соболевскаго: стр. 104 „воле“ (неорганическое *o* въ воле²); см. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum Миклошича „воле“=ǫre, ǫra, ω, τι, встрѣчается въ Изборникѣ Святослава 1073 д., Златоустр. и т. д. очень часто. Обращаемъ вниманіе на то, какъ важно справляться при изслѣдованіи переводныхъ церковно-славянскихъ памятниковъ къ сопоставленіямъ съ оригиналомъ, или принимать во вниманіе древность явленія, во всякомъ случаѣ—не русскаго, не галицко-волинскаго?

Обращаясь къ переводу Лѣтвицы, къ характеристикѣ древнѣйшаго оригинала ея не можемъ не отмѣтить замѣчательныхъ южнославянскихъ (западославянскихъ, сербо-хорватскихъ) выраженій и формъ:

- ѡбрысли 210 б, 211 ἀποσμήχων detergere;
обоутъ 215;
отръканіе 155, Псалтирь LXXIX, 7: прерѣканіе ἀντιλογία;
бридость 214 б, δριμότητα asperiora;
отышненіе 214 б στενοχωρίαν, afflictiones, у Караджича: отијес-
нити, отиштесе;
коура 97 б;
кошоута 201 (оѣби кошоутѣ), по Лексикону Миклошича: сегва,
корова? Караджичъ: кошута, сегва;
роугоуъ 131 б у Миклошича рѣгочъ, у Караджича: ругач,
illusor;
ласкоуъ 120 б (ласкочъ есть бѣсомъ слоуга καταχευτής, desertor;
лоукоуъ 120 б (моужъ же хвальникъ паче же лоукочъ=льстець,
adulator, πλυνήτης);
среброуѣнї 110;
вражци 157;
вншнїи 97 (см. Миклошича сербск. вишь=хворость);
отыиъзъ 145 (какъ въ Марїинскомъ Евангелїи);
междю 196 б;
жскоуѣнї 192, жко 31, 192 и др. свидѣтельствуютъ о глаголи-
ческомъ текстѣ оригинала Лѣствицы, объ остаткахъ его въ нѣкото-
рыхъ начертанїяхъ перваго передѣлвателя изъ глаголиты въ ви-
рилицу, причемъ глаголическое начертаніе для и, і смѣшано съ
юсомъ ж.
По всей вѣроятности и ѣ=ѣ въ слѣдующей фразѣ: „къкъ ко-
тыга истъкана“ 187 б.
Вообще переводъ этотъ отличается близостью къ греческому
подлиннику и, по всей вѣроятности, сдѣланъ въ очень давнюю пору
славянской письменности, въ предѣлахъ сербо-хорватской рѣчи. Микло-
шичъ воспользовался, на основанїи Церковно-славянскаго Словаря
Востокова, многими выраженїями этой Лѣствицы XII в. для своего
Словаря древнеславянскаго языка.
До XIV в., когда появился новый сербскїй переводъ (см. напр.,
отрывки въ Христоматїи — Примери Книжевности 1889 г. 137 стр. и д. —
Новаковича вообще въ славянорусскихъ рукописяхъ съ XIV в.), переводъ
древнеславянскїй былъ въ большомъ ходу. Въ Патерикѣ Печерскомъ есть
два мѣста, заимствованныя изъ Лѣствицы: (у Яковлева: Памятники СѴ
стр.) „по (читай: по) что пишеть блжнны Иванъ, иже в Лѣствицѣ,

Жидовинъ жадаеть брашна? да празднуеть по закону“ (новое изд. Патерика: „радуется, рече, жидовинъ субботѣ и празднику“); въ Лѣствицѣ XII в. читается, какъ и во всѣхъ переводахъ славянскихъ и др., иначе: „радуется жидовинъ соуботѣ и праздыни“; XV в. Кіевск. Дух. Акад. „радуется жидовинъ сжботѣ и празднику“ (такъ и въ спискѣ XVI в. Почаевск. Лавры), *χαίρει Ἰουδαῖος Σαββάτω καὶ ἑορτῇ*, *Iudeus letat et facit festum die sabbati*; по всей вѣроятности, авторъ XIII в. цитовалъ по памяти Лѣствицу и имѣлъ въ виду все слѣдующее мѣсто, которое приводимъ по списку XII вѣка: „радуется жидовинъ соуботѣ и праздыни чърньць гладивъ соуботѣ и недѣли прѣдъ годъмъ до велика дѣе почитаеть и предъ дѣями брашна готовить чѣтетъ чревыни рабъ кыми брашны попраздыноуеть“ (л. 91); (по Яковлеву СЛXIII стр.) „якоже рече Лѣствичникъ: любий имѣнія собирати, сицевыи иглы ради до смѣрти тружается“; въ Лѣствицѣ XII в. „люби же браніе иглы ради до смѣрти троужается“; по Лѣствицѣ XV в. Кіевск. Дух. Акад.: „любожатаелныи же иглы ради до смѣрти троуждается“; *ὁ δὲ φιλοκτήμων ὑπὲρ ραφίδος ἕως θανάτου πυχτεύει*; *possessor autem contendit pro una acu usque ad mortem*.

Приведемъ еще нѣсколько выражений изъ Лѣствицы XII вѣка, интересныхъ для философскаго языка и для грамматики (листъ 90 б): любомуудрити (такъ и въ позднѣйшихъ текстахъ) *φιλοσοφῆιν*, въ Венеціанскомъ изд. 1518 г. *sapienter loqui*; предъположихомъ (такъ и тексты XV—XVI вв.), *προεθέμεθα*, *preponemus*; чоужоуєл—*θαυμάζω* *mīgog*; оутробьнаѣ несытость (объяденіе) *γαστριμαργία*, *gula*; лицемѣрьство (лицемѣріе), *ὑπόκρισις*, *hipocrisis*; ненасыщена бо соущи скоудьства ради въпіеть (также XV—XVI вв.), *κεχορησμένη γὰρ οὖσα ἔυδειαν ἀναβοᾷ*, *quia cum fuerit saturata simulat se famelicam*; оутробьнаѣ несытость очима прелестъ (чрѣвное объяденіе есть очима прѣльстѣ); *γαστριμαργία ἐστὶν ὀφθαλμῶν ἀπάτη*, *gula est deciptrix oculorum*; недѣли 91 *Κοριακῆ*, *die dominico*; до велика дне (о пасцѣ XV—XVI), *Πασχα*, *pascha*; ѿ прѣтыканиѣ (XV—XVI вв. ѿ еже претыкатиєл) *ἐκ μὲν τοῦ προσκόπτειν*; цѣ 214 б, *καίπερ*, *cum*. Нѣкоторыя слова въ Лѣствицѣ удержаны безъ перевода: лентионъ 142 б, анагносани 113, 116, стихологию 115, комъканіе 114, пролого 95 б, ѣунохы 97 б, ѳематисаніемъ 101 б.

Нѣкоторыя слова и въ Церковно-славянскомъ Словарѣ Миклошича, взятая изъ Лѣствицы XII в., являются единственными, не

повторяющимся въ другихъ памятникахъ: ѿпцьлити руцѣ (XV—XVI вв. ѿмыти руцѣ) ἀποπισσῶσαι χεῖρας, Венеціан. 1518 г. lavent manus suas a contaminatione picis (abstergamus e manibus)—очистить руки; у Миклошича объяснено: exspectabamus — пцьлити, tamen „пцьль“, какъ въ Супральск. ркп. πισσα рix=пцьль, пцьльнѣ рядомъ съ распространеннымъ „пцьль“; оскѣкѣца 107 (см. Миклошичъ: оскѣкѣтати).

Въ древнемъ переводѣ Лѣствицы встрѣчаются ошибки въ переводѣ: „шестой (?) предъреченаго образа“ ὁ ἕκτος τοῦ προειρημένου τρόπου; въ переводѣ XIV—XVI вв. кромѣ—aliter; въ древнѣйшемъ переводѣ смѣшано съ ἕκτος. Приведу здѣсь непонятное для меня мѣсто: „ижеѣлу и зѣлоупомнѣние и ирость ѿложѣшимъ 168; въ спискахъ XV—XVI вв.: „иже нечистотѣ и паматозлобие и ирость ѿложѣшимъ“; τοῖς τὴν λαγνείαν καὶ μνησιχακίαν καὶ θυμὸν ἀποθεμένοις; въ русскомъ переводѣ: „для тѣхъ которые очистились отъ вождѣленія, памятозлобія и раздражительности“; въ Венеціанск. изд. 1518 г. illi qui post depositionem luxuriae gulememoriae maliciae. Кстати приведемъ интересный образъ выраженія, напоминающій извѣстное мѣсто Слова о полку Игоревѣ: „блюдетъ оубо мышъ сеи ловитвѣница, мышъ же разоумна мълчаливаго мысль. не боуди ти ѿметьнѣ предирѣнни показъ“. При распространенности Лѣствицы въ древнерусской письменности можно ожидать указанія и другихъ ея отношеній къ древнерусской литературѣ, напр. къ слову Данила Заточника.

Замѣчательно также слово „стръмѣ“ 7, 24, 28, 31 б, 130 (разъ написано, какъ въ Супральской рукописи: стръмъ)—χορῶς, ргоре, воистинну, справедливо; ср. малорусское выраженіе: стермо. Изъ древнеславянскихъ словъ въ текстѣ Лѣствицы XII вѣка замѣчательны: облишъ 17, васнь 19, 23, бьхма 24, 31, 79 б, бьхъма 24 б, шарчи 86 б, сокачии 27 б, алди 80 б, ални 136 б, Христосу (всегда).

II. Владиміровъ.

Вопросы, касающиеся истории литературы, являются предметом изучения в высших учебных заведениях. В настоящее время в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники. В частности, в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники.

Вопросы, касающиеся истории литературы, являются предметом изучения в высших учебных заведениях. В настоящее время в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники. В частности, в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники.

Вопросы, касающиеся истории литературы, являются предметом изучения в высших учебных заведениях. В настоящее время в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники. В частности, в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники.

Вопросы, касающиеся истории литературы, являются предметом изучения в высших учебных заведениях. В настоящее время в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники. В частности, в области литературы наблюдается значительный прогресс, что обусловлено развитием науки и техники.

